

АЛЕКСЕЙ КУДЕСИН

ШКОЛА БОГАТЫРЬЕИ

КНИГА I

12+

Школа богатырей

Алексей Кудесин
Школа богатырей

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кудесин А.

Школа богатырей / А. Кудесин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Школа богатырей)

ISBN 978-5-532-11057-1

Богатырями не рождаются, богатырями становятся. И не просто так, а в школе богатырей. Отрок Любим мечтает сделаться богатырем сильномогучим и послужить Руси. Но что делать, если в тебе нет ни капли земной тяги, без которой ни один калика не призовет в школу богатырей, вместо нее внутри заключена темная сила перводемона, с которым едва совладал сам Илья Муромец - знаменитый сильномогучий богатырь прошлого? Что делать, что делать? Смело идти к мечте, презирая опасности. В конце концов, наш герой преодолеет все препятствия, но лишь для того, чтобы схлестнуться с ужасным владельцем Зеленого Сглаза - Виём, возмечтавшим завладеть силой перводемона.

ISBN 978-5-532-11057-1

© Кудесин А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Арка 1 – Любимкина мечта	6
Сказ 1 – Возвращение калики	6
Сказ 2 – Поединок за мечту	11
Сказ 3 – Богатырство без калик	19
Сказ 4 – Моховые болота	25
Сказ 5 – Книга Полуночи	30
Сказ 6 – Любимка против одержимника	33
Сказ 7 – Медальон богатыря	39
Арка 2 – Любимка и Последняя битва	42
Сказ 1 – Малый княжий совет	42
Сказ 2 – Стоян по прозвищу "Жди подвоха"	45
Сказ 3 – Глиняшка против тягателей	50
Сказ 4 – Любимка и князь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Школа Богатырей здесь – https://vk.com/kudesin_club

Едет богатырь выше леса стоячего, головой упирается под облако ходячее. Поехал Святогор путем дороною широкою. И по пути встретился ему прохожий. Припустил богатырь своего добра коня к тому прохожему, никак не может догнать его. Поедет во всю рысь – прохожий идет впереди, ступою едет – прохожий идет впереди.

Проговорит богатырь таковы слова: «Ай же ты, прохожий человек, приостановись немножечко. Не могу тебя догнать на добром коне!»

Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и клал сумочку на сыру землю. Говорит Святогор богатырь: «Что у тебя в сумочке?»

«А вот подыми с земли, так увидишь».

Сошел Святогор с добра коня, захватил сумочку рукою – не мог и пошевелить. Стал вздымать обеими руками: "Только дух под сумочку мог пропустить, а сам по колена в землю угрыз".

Говорит богатырь таковы слова: «Что это у тебя в сумочку наложено? Силы мне не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу!»

«В сумочке у меня тяга земная».

«Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут, величают как по изотчине?»

«Я есть Микулишка Селянинович!»

Источник: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым.

Арка 1 – Любимкина мечта

Сказ 1 – Возвращение калики

Любимка, золотоволосый отрок четырнадцати лет, топал по двору школы богатырей. В руках болталось деревянное ведро, в нем шмякалась о стенки мокрая тряпка.

Двор был полон гридней. Одни самозабвенно махали учебными мечами, другие по очереди кидали друг дружку в пыль. Из-за забора из заостренных колышков торчали вихрастые головы зевак. Еще дальше в небо тянут золоченые купола два белокаменных собора, именно из-за них площадь в самом центре московского кремля зовут Соборной. На завалинке скорчился грузный воин в кольчуге – сотник Ждан. Раздал задания своим подопечным и дрыхнет беззаботно, вот работа у человека.

Глаза отрока загорелись, ведро бухнулось наземь.

– Ешки-матрешки, меня научите! Тоже хочу!

Он подскочил к ближайшему здоровяку с деревянным мечом. Тот пыхтел, старательно нанося удары в воздух.

– Дяденька! А дяденька! Научи меня драться!

– Экое дурило, – опустил меч парень. – К чему тебе драться, коли ты, вона, полы мьешь? Глупай!

Он расплылся в улыбке и почесал мечом затылок. Любимка насупился, зло зыркая из-под бровей.

– Мне треба очень! Я сильномогучим богатырем должен стать! Мечта моя!

– Ты?! Сильномогучим?! – здоровяк расхохотался. Его соседи стали опускать мечи и прислушиваться. На их лицах появились улыбки.

– Экой пацан смешной, – продолжал потешаться гридень. – Ты погляди, – он обвел широким жестом двор. – Нас здесь сотня отборных гридней. Мы лучшие в княжьей дружине. Но никто из нас не чает стать хотя бы младшим богатырем. К нам не пришли калики. А ты, мелкий да глупый – вдруг станешь?! Ха-ха!

Он засмеялся. Ему вторили товарищи. У Любимки вдруг засвербело в носу, он шмыгнул и утер нос рукавом.

– А вот стану! Увидите!

Он оттолкнул ведро и протянул руку к мечу.

– Дай, покажу, что умею!

– Нет уж, – гридень дернул рукой, и отрок отлетел назад. Под ноги подвернулось ведро, и он распластался в пыли.

– Нас батюшка воевода учил – кому ни попадя оружие не давать, – с хохотом заметил гридень.

Любимка вскочил, красный от злости. Глаза щипало, еще чуть и разревется, как последняя девчонка.

– Ребята, вас князь послал потренироваться на богатырском подворье, – раздался голос, – чтобы вы геройского духа набрались, а вы мальчика забижаете. Не годится так!

Все обернулись. Говорил щуплый воин в кольчуге с ремнями крест-накрест. На поясе сума, за спиной потертые ножны с коротким мечом. На ногах сапоги, ношенные и очень пыльные.

– Это еще кто тут княжым гридням указывает? – грозно надвинулся на незнакомца гридень. Он и правда выглядел внушительнее. Почти на голову выше, шире в плечах и тяжелее. – Сейчас мы поучим тебя свое место знать.

Любимка отпрыгнул назад. Ой, что будет. Конечно, человек добр, что заступился, но ведь явно уступит. Все же гридень прав – они отборные воины княжьей дружины. А кто он? Странник.

Здоровенная лапища потянулась к мужчине в кольчуге и тут... Бах! Гридень распластался, только пыль разлетелась.

– Ой, прости, – спохватился странник. – Гляжу, умаялся ты. Ноженьки не держат.

Любимка вытаращил глаза. Другие гридни грозно засопели.

– Да ты, никак, насмеяться над нами вздумал!

И ринулись разом на странника. Тот двигался очень споро и легко. Чуть сместился, махнул рукой, словно мешающую ветку дерева отвел. Бах-бах-бах! На сей раз упали сразу трое. Да так неудачно, что и вскочить сразу не сумели. Только и вышло, что тяжело сесть и мотать головой.

– Ой, не верю, что князь в дружину таких слабаков берет, – подзуживал незнакомец. На загорелом лице сверкнула улыбка.

– Братцы! Мы позволим измываться над дружиной невесть кому? – воскликнул первый здоровяк, подымаясь. – А ну, навались!

Любимка в ужасе попятился. Множество парней с искаженными злостью лицами набросились на странника. Через пару мгновений его стало не видно из-за кучи тел.

"Ой, проиграет, беднай!" – подумал Любимка. Досадно было, что заступник не сдюжил, хотя когда столько противников нападает, тут и богатырю туго придется.

Хлоп! По ушам ударило, в грудь отрока толкнула плотная волна воздуха. Она разошлась в разные стороны от кучи малы, в которую превратилось место, где стоял странник. А потом...

Любимка вытаращил глаза. Хлоп, хлоп, хлоп. Весь двор, как опавшими листьями, покрылся гриднями. Всех, кто так опрометчиво напал на незнакомца, раскидало по двору.

– Мечи-калачи! – отрок не знал радоваться или беспокоится. С одной стороны незнакомец за него заступился, но с другой гридни ведь из дружины князя московского, отборная сотня. А странник бьет их почему зря.

– А ну-ка не трожь моих гостей! – раздался звонкий голос.

– Дядька Стоян! – возликовал Любимка. Вот уж кто разберется с любой напастью. Стоян, старший богатырь, а с недавних пор еще и первый наставник школы богатырей.

Высокий, стройный, в новенькой кольчуге и сафьяновых красных сапогах с загнутыми носами. Русые волосы забраны на лбу кожаным ремешком, за поясом кинжал. К нему Стоян даже не прикоснулся.

Любимкины глаза не смогли уловить начало движения, увидел лишь размытый силуэт, наискось перечеркнувший двор. Пару гридней, оказавшихся на пути, откинуло, как поленья из-под колуна. Перед странником на миг отпечатался богатырь, вскинувший кулак. Р-раз! Любимка зажмурился бы от страха, коли успел. Но поди тут успеи, Стоян движется со скоростью мысли.

Следующие несколько мгновений, которые уложились между двумя ударами Любимкиного сердца, состояли из ударов и уворотов. Глаза отрока расширились от восторга – вот это скорость.

Гридни опомнились. Поднялись упавшие, трут ушибленные бока.

– Братцы, надо помочь богатырю! – крикнул здоровяк.

– Отставить! – рявкнул зычный голос. Сотник Ждан проснулся и, наконец, взял дело в свои крепкие руки. – Богатырь бьется, гридень в оцеплении стоит!

Любимка презрительно скривился. "И эти люди собираются княжество защищать?! Ох, пропадет без меня Русь-матушка!"

Витязи растянулись цепочкой вдоль забора, зеваки возмущенно заверещали – не мешайте зреть поединок. Но их без жалости отодвинули подальше.

Гр-хм! Громыхнуло, словно над Соборной площадью ударил гром. На колокольнях двух соборов звякнули колокола, хотя Любимка точно знал, что в это время звонарей там нет.

Во все стороны разошлась волна плотного воздуха, куда более сильная, чем раньше. Любимке словно по лбу соломенной подушкой вдарили. Грудней и вовсе посбивало с ног.

Посреди двора застыло две фигуры. Стоян и незнакомый воин обхватили друг друга и давили во всю мощь. Глаза Любимки полезли на лоб, ноги поединщиков с тихим хрустом погружались в землю.

Любимка похолодел. А коли это одержимник?! Только одержимники могут на равных противостоять земной тяге русских богатырей. Правда, все они сгинули во времена битвы за Потеряный град, когда был повержен самый страшный враг Руси – предводитель одержимого воинства перводемон Мрак.

Стоян с противником уже погрузились по колено. Потом, словно сговорившись, отпустили друг дружку и отскочили в разные стороны. Пласты земли вывернулись, как из-под плуга.

Незнакомец сдвинул переметную суму со спины на бок. Ладонь исчезла внутри. Любимка видел, как напрягся богатырь.

– Поглядим, что приготовила для тебя прозорливая сума, – голос у незнакомца звонкий, задорный. В глазах искорки, на губах счастливая улыбка, как будто наслаждается каждым мгном.

Настоящий богатырский поединок, – с жаром подумал отрок. Менестрели побредут по Руси и станут рассказывать сказ о славном поединке:

– Опустил супостат руку в суму переметную, суму переметную да без доньшка. И достал он оттуда...

Лицо Стояна сделалось напряженным, по виску текла капля пота. Незнакомец улыбнулся и потянул из сумки что-то большое и прямоугольное...

– Все, довольно! – внезапно выпрямился Стоян. – Сам знаешь, что с твоей Прозорливой Сумой мне не тягаться!

Незнакомец хитро улыбнулся и достал из сумы... большой расписной пряник.

– Держи. Гостинец тебе.

Лицо Стояна просияло.

– Тульский?! Настоящий?!

– Не совсем тульский... – по лицу незнакомца пробежала тень, тут же сверкнула улыбка. – Зато почти как у той мастерицы. Даже отметина от кинжала есть...

Стоян поменялся в лице.

– Знаешь где она?

– Земля слухами полнится, а самому не довелось...

Любимка недоумевал. Что за глупости? Так все хорошо начиналось и на тебе – пряник! Грудни перешептывались, опасливо глядя то на прибывшего, то на вывороченные пласты земли.

А воин уже раскинул руки, надвигаясь на потерявшего бдительность богатыря. Стоян спрятал пряник в карман и скопировал позу незнакомца.

Глядя на них, Любимка растопырил ноги и расставил руки. Какой-то новый стиль?! Ни разу не видел такой боевой стойки.

– Стоян, как же мне не хватало нашего соперничества!

– Да, Олег. Скучно без тебя в княжестве!

Они сшиблись в центре двора, уже без бешеной скорости, но так, словно пытались вышибить друг из друга дух. От хлопков по спине вокруг Олега поднялась туча пыли.

Любимка вытаращил глаза. Олег? Неужели тот самый?! Это же легендарная личность из нового поколения богатырей, ничуть не меньшей величины, чем сам Стоян.

О соперничестве двух друзей, двух калик ходили легенды. О них пели менестрели, складывали былины сказители.

Еще со школы богатырей Стоян и Олег знали друг друга. Стоян всегда и во всем был хорош, а Олег всегда говорил: "Я превзойду тебя, даже не думай, что я слабак!"

Но как бы ни старался Олег, Стоян всегда оказывался на шаг впереди. Так было, когда они стали тягателями – учениками школы богатырей, это продолжалось и тогда, когда их приняли в богатыри.

Шанс Олегу выпал только однажды, когда в нем пробудилось чутье калики. "Глядите, самый молодой калика! Он видит в людях земную тягу. У него такое будущее!" – шептались люди. Но радость Олега была недолгой. Стоян не просто пробудил чутье, но сразу же отыскал очень талантливого тягателя. Его звали Иваш, и за каких-нибудь пару лет парень прошел путь от ученика школы богатырей до старшего богатыря. "Ну, Стоян, дает! – восторгались люди. – Нет на свете более умелого калики!"

Это окончательно добило Олега.

– Ах так! – вскричал он. – Я все равно превзойду тебя! Клянусь, что отыщу такого тягателя, который сделается богатырем сильномогучим и превзойдет всех остальных богатырей!

Надо сказать с сильномогучими богатырями было туго в шести княжествах. Не родила земля русская детей с нужным количеством земной тяги. Битву за Потерянный Град, что случилась четырнадцать лет назад, пережил один единственный такой богатырь – Микола Стародуб, да и тот ныне настолько стар, что каждый год собирается на покой.

Старцы говорили, что иссякает земная тяга в народе, нет и не будет больше тягателей сильномогучих. Поэтому все княжество ахнуло и жалостливо качало головами, когда узнало о клятве молодого калики. Стоян сам отговаривал Олега, да все впустую.

Князь московский Александр доброхотов не поддержал. Клятва есть клятва. Не давши слово – крепись, давши – держись.

Собрался калика Олег в поход. Взял суму переметную, на все шесть княжеств известную, да и был таков. С тех пор минуло пять лет. Стоян давно остепенился, полюбил девицу с княжьего двора. Сказывали, что князь отпустил его из калик. Будто бы даже Стоян должен сделаться первым наставником школы богатырей, когда она откроет свои двери для нового поколения тягателей.

И вот сейчас Олег явился еще более бодрый и веселый, чем прежде.

Отрок вытянул шею, сиюсь разглядеть легендарного калику. Что-то не заметно, чтобы нашел то, что искал. Вот смеху будет, коли на меня глянет и прозреет?! Пяток годков человек невесть где сильномогучего высматривал, а я вот где?

К Стояну подошел сотник, гридни тянули шеи, перешептывались, как любопытные девицы.

– Потешил, богатырь, потешил! Теперича мои, ха, соколы запомнят силушку богатырскую надолго. И почтением преисполнятся.

Ждан ухмыльнулся, глянув на перешептывающихся гридней.

– Чего князь и желал, – улыбнулся богатырь. – Ждан, не в службу, а в дружбу, продолжи тренировку. Я друга встретил. Пять лет не виделись.

Богатырь повернулся к Олегу и расплылся в улыбке.

– Добро, – кивнул сотник. – Воинская дружба священна.

Развернулся и заорал, надувая жилы на висках:

– Узрели силушку богатырскую?! Тогда за работу! Солнце высоко! Князь велел сделать из вас людей, и я не собираюсь его подводить!

Гридни торопливо разобрали тренировочные мечи и рассредоточились по двору. Богатыри богатырями, а своего командира злить себе дороже.

– Ха! – сказал Любимка. – Ничегошеньки у вас не выйдет! Коли за вами калики до сих пор не пришли, то и не явятся...

Сказал и приуныл. Самому почитай четырнадцать годков уже. Самый раз в богатырскую школу. Только вот четыре года уже в той школе набора не было. Злые языки сказывали, что де иссякла в русском людях тяга земная. Не то, что на сильномогучего – на обыкновенного богатыря не наскрести, не наскыркать.

Любимка яростно потряхнул золотистыми кудрями. «Наскыркаем! Дай только шанс!»

Он поглядел в окно.

– Как путешествие? – спрашивает наставник калику. – Нашел, что искал?

Спрашивает, а сам глядит с хитринкой. Сразу видно, не угасло бывшее соперничество.

Любимка наострил уши. Калика Олег широко улыбнулся.

– Нашел. Увидишь – ахнешь! Я ее за городом оставил, в Соколиной избушке. Так безопаснее...

Он вдруг замолчал, в глазах мелькнуло сомнение.

– Это ты удачно вернулся, – поглядел на друга Стоян. – Князь Александр велел в этом году новый поток тягателей набрать. Первый за четыре года. А я, стало быть, первый наставник теперь...

Любимка вновь уронил ведро. "Ешки-матрешки! Не зря люди языки дерут! Новый набор тягателей! Я обязан быть среди них!"

Стать богатырем – самая заветная мечта Любимки. Она с ним, как старый друг, с самого детства. Вместе с ней вырос, вместе прошел суровые испытания сиротской жизни. Был совсем крохой, когда услышал от бродячего менестреля песню о Святогоровой Руси и ее славных защитниках – героях-богатырях. Слова давно стерлись из памяти, зато навсегда запало в сердце ощущение необычайного восторга и душевного подъема.

Ты герой, пелось в песне, и никто кроме тебя не защитит Святогорову Русь. Ты герой, и только ты способен сокрушить зло и отстоять правду!

Взрослые смеялись. Что за дурацкая песня? Какой герой из простого сироты? Где та Русь, которую ты собрался защищать? Распалась на шесть княжеств, у каждого теперь свои правители и свои герои. Да и правда нынче у каждого своя...

Любимка упрямо потряхнул головой. Когда моя мечта исполнится, они увидят!..

Богатыри прошли мимо, Олег, даже не взглянул на того, за кого только что заступался. Конечно, старый друг важнее. Они отправились к богатырскому терему. Скрипнули ступени высокого крыльца, лязгнули стальные защелки на дверях.

Любимка подобрал ведро и уныло побрел к тягательскому терему. Войдя, решительно грохнул его об пол.

Хватит! Если я хочу занять медальон тягателя надобно усердно тренироваться. И тогда какой-нибудь калика непременно меня заметит. Любимка подхватил метлу и встал в боевую стойку.

– Раз! Раз! Отскок! Раз! Раз! Удар!.. – неся из-за окна голос Ждана.

– Раз! Раз! Отскок! Раз! Раз! Удар!.. – пыхтел отрок, старательно повторяя движения. За его спиной темнела неубранная гридница.

Сказ 2 – Поединок за мечту

Бабах! Шумно распахнулась входная дверь. В грядницу ввалилась компания. Все в дорогих нарядах, украшенных мехами и драгоценными тканями. У каждого на поясе кинжал в позолоченных ножнах. А уж лица надменные, будто Любимку решила провести свита правителя одного из семи княжеств.

Впереди высокий статный отрок в богатом кафтане, портки из шелка – такую материю даже на рубаху праздничную пустить не зазорно, а тут порты. Пояс прошит золотыми нитями, а уж шапка соболиная богаче, чем у князя.

Самое выдающееся на лице парня это не глаза – серые и колючие, не губы – плотные и тонкие, даже не подбородок – широкий и выпирающий. На лице парня царит нос. Большой, прямой и очень породистый.

Компания на миг затихла, тараша глаза.

– Гляди, кто это?! – сказал один.

– Девица что ль?! – усомнился второй.

– Как обезьян заморский скачет, – молвил третий, конопатый верзила. Он держал кулечек с красными ягодками смородины.

Только парень в соболиной шапке разглядывал Любима молча. Серые, как сталь, глаза сверкали сквозь острый прищур.

Любимка застыл в нелепой позе незавершенного удара. Выпрямился, руки суетливо спрятали метлу за спину. Щеки пошли красными пятнами.

"Ешки-матрешки! Как же это я сплеховал-то". Быстро глянул через плечо. Деревянные лежаки стоят неровно, половина сундуков у изголовья распахнута, на полу пыль, очаг черный от копоти. Оружейную стойку облюбовало семейство паучков, таких кружев наплели, жалко убирать. Даже на канцелярском столе, что справа от входа, полный бардак – сургуч рассыпался по столешнице, а свечи почти догорели, превратившись в два восковых бугорка.

Парень в богатой шапке лениво вскинул руку, его товарищи тут же умолкли.

– Чьих будешь?! Как звать? – лениво растягивая слова, спросил он. Серые глаза режут чище ножа. Чем дольше смотрят, тем презрительнее становятся.

Любимка насупился. Незнакомец ведет себя так, будто застукал его за непотребством. Что может быть плохого в тренировках?! А прибраться я завсегда успею, день долог. Солнечные лучики только-только добежали до середины грядницы.

– Тутошний я. Любимом кличут, – ответил, ощущая себя неуклюжим деревенщиной. Как назло, засвербело в носу, Любимка шмыгнул и утер нос рукавом.

Парни переглянулись, конопатый хихикнул и бросил в пасть щепотку ягод, соболиная шапка кивнул выдающимся носом:

– Ясно, значит холоп местный.

Любимка замотал головой.

– Не холоп я, – он смущенно поглядел сперва на свои лапти, потом на новенькие сапоги парней. – Воспитанник Чудова монастыря. Батенька Варфоломей нас не для холопства растит. Будем послушниками, или, как вон, Гришка Жерди... э-э, Григорий наш стражником сделался. Десятник ужо.

– Стражник? Фе! – скривился конопатый. – Стража хуже холопов. От тех хоть польза есть, а стражники только и делают, что бездельничают да к люду честному с придирами пристают.

– Не для холопства говоришь? – холеные брови соболиной шапки поднялись. Он повернулся к своим.

– Дуняша, дворовая девка с княжьего двора, кажись тоже с Чудова приюта, – подсказал рыжий.

– Да, Дуняшка наша, – кивнул Любимка. – Но это не значит...

– Куда еще может податься сирота? – противно ухмыльнулся соболиная шапка. – Только в холопы.

– Или на паперть.

Парни противно загоготали. Любимка вспыхнул, а носатый не унимался. Глазами он указал на метлу, выставившуюся из-за спины.

– А это что? Разве не холопья работа?

– Это послушание, – выдохнул Любим и продекламировал: – "Достойному отроку пренебрегать черной работой негоже, ибо всякий труд благороден и благо для души творит". Так в уставе нашего монастыря говорится.

Уголки губ парня тронула легкая улыбка.

– Я – Ярополк. Стойгнева знаешь?

Товарищи парня переглянулись, лица заполнили одинаковые ухмылки. А конопатый и вовсе заржал во все горло. Ярополк брезгливо повел бровью, смех оборвался.

– Как не слышать, слышал! – важно заявил Любимка. – Самый злока из всех княжих людей. Это коли урядника не трогать...

– Отец мой, – перебил сероглазый холодным голосом.

Отрок побледнел. Стыд-то какой. Батеньку гостя забидел.

– Так, ить, по-другому воеводе никак, – зачистил. – Чуть ослабь вожжи эти ироды на плечи сядут, ножки свесят и болтать начнут...

– Можешь не стараться, – усмешка чуть сильнее изогнула тонкие губы. – Мы с ним не очень ладим.

И совсем уж небрежно:

– Ко мне на днях калика пришел, а отцу полвека минуло, так и не дождался.

Слова упали, как пудовые гири. В московском княжестве много кто мечтал стать богатырем, да только калики приходили не ко всем. Далеко не ко всем. Стало быть, и княжий воевода из таковых.

Отрок страшился примерить это на себя, но живое воображение управилось без спросу. Он – дряхлый немощный старик, на теле ни одного шрама, за плечами ни одной битвы. Ужас нахлынул такой плотный и реальный, словно заглянул в адскую бездну.

Не бывать тому!

Ярополк разглядывал его, словно интересную таракашку под стеклянным колпаком.

– А что это, Любим, ты тут с метлой вытворял? – спросил он почти ласково.

Любимка опустил глазки, щеки пылали румянцем.

– Тренировался, – сказал едва слышно. Ковырнул ножкой пол. Потом добавил: – Богатырем буду. Богатырю без тренировок никак.

– Богатырем!? – тонкие губы изогнула недоверчивая усмешка. Ярополк повернулся к друзьям, словно призывая оценить шутку. Рыжий хихикнул.

– Богатырем, – кивнул. – Мечта у меня такая. А сегодня услышал – новый набор будет. Стало быть, я среди них окажусь! Вот увидите!

Небесные глаза блестели, лицо светилось вдохновением. Ярополк, напротив, посуровел. Словно что-то оскорбительное углядел в беспечном щебетании приютского отрока. Выдающийся нос осуждающе вперился в Любимку.

– Холоп, да богатырем?! Ты ничего не путаешь?!

Любимка тяжело вздохнул.

– Это ты путаешь, – назидательно сказал он. – Я же говорю – не холоп я. Воспитанник Чудова монастыря. Батенька не для холопства нас растит...

– Не холоп говоришь? – Ярополк улыбнулся и нарочито неспешно отстегнул от пояса кошель. Звякнуло. Спутники боярского сына притихли, неотрывно глядя на кошель.

– Здесь десять гривен. Они твои.

Любимка застыл. "Десять гривен. Экие деньжищи! Можно коня купить боевого, недорого, но справную зброю, да еще на оружие останется. А коли на доспехе сэкономить, можно воя нанять, дабы советы давал, да в княжьи gridни пристроил. Gridни – это, конечно, не богатыри, но всяко лучше стражи".

– Они твои, только вот... – Ярополк выставил вперед левый сапог. – Вступил во дворе в конские каштаны. Надобно почистить.

Любимка дрогнул. Показалось, что ослышался. Он поглядел на кошель с деньгами, потом на измазанный навозом сапог.

– Ярик, ты что?! – завопил конопатый приятель Ярополка. От волнения даже ягоды просыпал. – Неужели ты дашь десять гривен этому замарашке?!

Остальные загомонили, мгновенно превращаясь в стадо взволнованных гусей.

– Дай лучше нам!..

– Мы найдем, как ими распорядиться...

– Да я сам тебе сапоги...

– Заткнитесь, – бросил Ярополк, и в gridнице повисла тишина.

"Вот где настоящие холопы", – подумалось Любимке.

– Что решил? – поторопил Ярополк. – Вижу, ты таких денег в жизни не видал. И не увидишь. В своем кармане точно.

Дружки угодливо заржали, словно не слышали лучшей шутки. Любимка нахмурился.

– Может быть, как раз этих гривен не хватает тебе для исполнения мечты? – Ярополк решил зайти с другой стороны.

"Словно мысли читает, ирод. И улыбочка какая поганая". Любимка глядел на кошель, потом перевел взгляд на конопатого. Тот аж дрожит. Пальцы скрючились, рот приоткрыт. Словно сожрать хочет эти гривны вместо ягод.

"Вот уж кто никогда не станет богатырем, – мелькнула неожиданная мысль. – Холопов и правда не берут в богатыри. Не потому, что не благородные, а потому что предел мечтаний такого холопа – вкусная еда со стола хозяев, да теплый угол".

Любим разозлился.

– Мечи-калachi! Не надобно мне твоих гривен, понял?! Калики не за деньги – за доблести приходят!

– Что ж.

Ярополк недобро улыбнулся и спрятал кошель.

– Коли так не понимаешь... Придется с тобой поступить... – он настолько противно ухмыльнулся, что Любимку передернуло.

– ...по-богатырски, – закончил сын воеводы. – Ты своими дурацкими мечтами коробишь мою благородную натуру. Я считаю, что такие, как ты, богатырями быть не должны. Поэтому тебя надо проучить. Чтобы место свое знал, да зарекся мечтать о том, о чем простому холопу мечтать не положено.

Любимка дрожал от ярости, пальцы бессильно сжимали метлу.

– Вызываю тебя на поединок. Коли победишь меня – признаю за тобой право на богатырскую мечту, – молвил Ярополк. Дружки заржали в полный голос. "Ну, Ярик, затейник, холопа на поединок вызвал. Животики надорвешь".

Глаза Любимки распахнулись во всю синь.

– А коли проиграешь, – зловеще закончил сын воеводы, – быть тебе холопом веки вечные. Ни один калика к тебе не придет. Знаешь почему? Потому что калики не приходят к неудачникам. Стоит один раз оступиться – пиши пропало.

Ярополк замолчал, довольный своей речью.

– Беги, дурик, – подошел к Любимке конопатый. – Ярополк уже пробудил земную тягу. С одного удара иных гридней валит, а ты такой малыш.

Любимка словно не расслышал. Он хмурил лоб и глядел на Ярополка странным сосредоточенным взглядом.

– Спасибо тебе, Ярополк, сын Стойгнева, – молвил он и поклонился в пояс. – Раскрыл глаза дураку. Я все думал, чего ко мне калики не идут. Ешки-матрешки! Они во мне, как и ты, холопа видят. Ведь человека по делам судят. А у меня, ить, какие дела? Глупости одни.

Он поглядел на метлу и отбросил в сторону.

– Коли тебя побью, меня точно заметят.

Он принял боевую стойку. Лицо суровое, щеки пылают румянцем. Голубые глаза скопировали прищур Ярополка.

– Я принимаю твой вызов!

Конопатый фыркнул, кто-то откровенно заржал, но Любимка глядел только на Ярополка. Тот хмурился, губы досадливо скривились, словно Любим переиграл его в чем-то важном.

– Придется тебя проучить по-настоящему. Расступись! Потребна воля для размаху...

Друзья тут же разошлись, с грохотом сдвинули лежаки и сундуки, отбросили оружейную стойку. Верзила бросил кулек с остатками ягод и наступил сапогом. Любимка даже глазом не повел. Сейчас для него существовал только противник.

Драться отрок умел. Да, он воспитывался в приюте при монастыре, и там его учили совсем другим жизненным ориентирам. Возлюби ближнего, не гневайся, не замышляй злого, но у сироты в жизни достаточно случаев, когда без кулаков не обойтись.

Любимку малыша – били все кому не лень. А чего не бить, коли за него заступиться некому? Да и мальчонка смешной – никогда не убегает, даже если возможность имеется, и взрослым про обидчиков ни гу-гу.

Когда стал взрослее, начал приглядываться к гридням, перенимать какие-то движения, приемы. Стал проситься на тяжелые работы, воды из колодца натащить, на тот конец города сбегать, на колокольню влезть. В руках появилась сила, в теле ловкость, а в поединках – победы. С тех пор стал грозой местных пацанов. Даже парни постарше предпочитали не связываться "с этим бешеным".

Любимка прищурился, разглядывая супротивника. Наверняка Стойгнев учил своего сына бою с оружием. Благородные они не дерутся голыми руками. Это ниже их достоинства. "Тем лучше, – думал Любим. – Потому что у меня есть отработанная непобедимая методика".

Противники замерли друг напротив друга. Друзья Ярополка подбадривали его негромкими возгласами.

Любимка заорал страшно и ринулся вперед, занося руку в молодецком замахе. Да, это мало похоже на недавнее сражение богатырей. Зато не подвело ни разу.

Кулак пропорол воздух, Любимка вложил в удар весь свой вес. Он хоть и маленький, но после такого еще никто не устоял.

Но сегодня все пошло наперекосяк. Ярополк куда-то исчез. Ноги за что-то зацепились, в бок несильно, но очень обидно толкнули. Любимка замахал руками и с размаху ткнулся носом в пол. "Больно-то как!" На зубах заскрипел песок, глаза слезились то ли от пыли, то ли от обиды.

Вскочил, взъерошенный, злой. Ярополк стоит, как ни в чем не бывало, вид равнодушный, даже скучающий.

– Знаешь в чем твоя проблема? – проговорил спокойно. – Ты дрался с такими же, как ты, холопами. А холопа победить, даже врукопашную – раз плюнуть.

Он демонстративно собрал слюну и смачно сплюнул.

– Убереешь потом...

Любимка яростно всхрипнул: "Батенька не для того нас растит!" – и кинулся в атаку. Сколь ни старался, не попал ни разу, везде кулаки натыкаются на надежную защиту или уходят, не причинив вреда.

А потом рука сына воеводы выстрелила, как самострел. Любим не заметил движения, успел только чуть отклонить голову. Челюсть взорвалась болью, тело повело в сторону. Он попытался удержаться, да куда там, непослушное тело боком завалилось на ближайший лежак.

Вскочил так, словно его подкинули. Тело болит, но слушается.

– Тебе сколько лет? – спросил Ярополк, идя по кругу. Любимка насупился, но ответил.

– Четырнадцать... – и нехотя добавил. – Будет.

Ярополк удивленно вскинул брови.

– Как мне?! А я думал ты ребенок. Вон, какой махонький. И выглядишь, как девица.

Любимка побледнел. На щеках проступили красные пятна. Раскрыл было рот, чтобы проорать в ответ что-нибудь обидное.

«Любимушко, негоже волю эмоциям давать, – как наяву услышал голос батеньки Варфоломея. – Горячий ты, да скорый на решения. Помни истину – чем громче будешь кричать, тем меньше к тебе будут прислушиваться».

Несчетное число раз повторял это настоятель. Без устали. Теперь эти слова вплыли в голову сами собой. Отступил Любимка, закрипел зубами, но удержал обидные слова.

В голове прояснело. Вместо злых и яростных слов явились вдруг холодные и острые. Любимка даже улыбнулся.

– Так вот чего на поединок вызвался, думал – уж ребенка точно побьешь?

Настала очередь Ярополка скрипеть зубами. Взревел сын воеводы и ринулся вперед, собираясь размазать обидчика парой ударов. Тут его Любимка и подловил.

Бац! Со всего маху вдарил да на встречный ход. И сам, конечно, получил, но Ярополку досталось сильнее.

После этого поединок скатился в безобразную хаотичную драку.

Вскоре Любимка перестал понимать, где находится и что делает. Просто пер куда-то, цеплялся за что-то и наносил удары.

Через какое-то время понял, что все удары уходят в воздух, а двигаться что-то мешает. Несколько долгих мгновений ушло на то, чтобы понять, что его держат дружки Ярополка.

На сыне воеводы повис конопатый:

– Не надо! Хватит! Не стоит он того!

Ярополк стряхнул его с себя, как волк дворнягу.

– Не стоит, говоришь?! – прорычал. – А вот сейчас поглядим, кто чего стоит. Отойдите от него!

По тому, как резко подались в стороны дружки, Любимка понял, что готовится что-то скверное. Лицо Ярополка напряглось, глаза прикрылись, зубы скрипнули.

Хлоп! По ушам отчетливо ударило плотным воздухом. Это было не так сильно, как у Стояна, но спутать ни с чем другим невозможно.

– Земная тяга! – ошалело проговорил Любимка.

Дружки Ярополка разразились бурными аплодисментами. Ярополк ринулся вперед с невообразимой скоростью. Это застало Любима врасплох.

Бац! Грудь пронзила боль, отрок пролетел через всю горницу, сгребая лежаки, и с грохотом рухнул на пол. Тьма поглотила сознание...

Темнота была полной. Чтобы подчеркнуть ее глубину, в темноте висели звезды.

Любимку привлекла одна из них. Все остальные огоньки сияли, а этот горел.

Вот бы взглянуть поближе, – подумал отрок. Темнота послушно дрогнула, и хотя звезды сдвинулись едва ли на волосок, у Любимки осталось впечатление, будто одним махом преодолел целую тьму верст.

Горящая звезда приблизилась. Любимка оказался прав – она и правда горела. Ибо это был костер.

Костер, у которого сидят древние герои, понял Любимка. Не раз слышал от сказителей, что настоящие герои не уходят сразу на небеса. Они сидят у небесных костров, отдыхают и глядят вниз на своих последователей.

Вот бы встретить хотя бы одного. Ужо бы я его выпросил... Но у костра никого не было, а Любимка все продолжал падать. Не успел толком испугаться, как приземлился прямо во тьму.

Тьма возмущенно взревела, завибрировала, зарокотала. Шевельнулось, дрогнуло, провалилось что-то огромное, вязкое, бездонное. Это нечто вдруг успокоилось, затихло, затаилось, словно приглядываясь, принюхиваясь, примеряясь.

Любимка затрепетал, как былинка, которую втягивает носом нюхающая корова.

А потом тьма встрепенулась, обрадовалась, возликовала. Она признала его, потянулась, ухватила, завладела. В груди Любимки проснулся крохотный черный щенок. Приоткрыл глаза, дернул носом, вильнул хвостом. Отроку отчего-то сделалось зябко. Зябко не телу, задрожала от холода сама душа. От ледяного холода космической пустоты.

Любимка закричал и упал обратно. Прямо в свое тело.

Очнулся мгновенно, рывком. Страх ударил такой острый, что боль отошла на второй план. Неужели я проиграл?! Не может быть!

Перед глазами выкристаллизовался мир. В красной пелене плавала знакомая обстановка. Сдвинутые лежаки, лица Ярополковых дружков. Отчего они такие белые?! Не ржет никто...

Что это мешает взгляду?! Кулаки. Мои кулаки?! Прижаты к лицу, защищают. Пол далеко внизу. Я на ногах?!

Прямо перед ним выросла фигура Ярополка. Уже не выглядит таким щеголем. На груди и под мышками сырые пятна, соболиной шапки нет и в помине, темные, почти черные волосы всклокочены, лицо красное, в капельках пота. Глаза круглые. Грудь тяжело вздымается, словно пробежал десяток верст.

– Этого не может быть, – прохрипел Ярополк, оскалив зубы. – Я вырубил тебя... Ударил с помощью тяги...

Любимка хотел ответить, но рот оказался забит чем-то тягучим и противным. Сплюнул на пол. Теперь не до чистоты.

– Тебе... показалось... – язык не слушался, каждое слово приходилось выталкивать наружу, словно упирающегося слизняка. – Такой... неженка... не заставит... меня... лечь...

– Ярополк, оставь этого бешеного, – влез между ними конопатый.

– Не человек, а упырь какой-то, – поддакнул второй дружок. – Никто не поднимется, потеряв сознание.

– Пойдем, Ярополк. Запачкаешься. Не стоит он того.

Ярополк тряхнул головой и заговорил, пыхтя и отдуваясь после каждого слова.

– Если... уйду... знать и правда этот... право имеет... богатырем быть...

"Когда успел так запыхаться? – удивился Любимка. Или то последствия использования земной тяги?!"

– Хватит брехать, дерись! – рывкнул, откуда и силы взялись. Все, что нашел, вложил в один единственный удар. Последний.

Раз! Голова Ярополка дернулась, глаза округлились. Не ждал атаки от обессиленного избитого противника.

Бум! Бах! Два тела рухнули на пол. Оба затрепыхались, пытаясь подняться. У Любима не осталось сил, у Ярополка так шумело в голове, что потерял ориентацию.

К нему подскочили друзья, лица напуганные, конопатый почти плачет.

– Ярик! Что с тобой?! Надобно вызвать лекаря!

– Нет! Поднимите меня! – взъерился Ярополк. – Я с ним еще не закончил!

Оказавшись на ногах, злобно растолкал товарищей. Любимка глядел на него снизу вверх. Несколько раз попробовал встать, но сил хватило лишь на то, чтобы без толку елозить пятками по полу. А друзей, чтобы подняли, рядом нет.

Ярополк шагнул вперед.

– Из нас двоих останется только один. Я проучу этого хама. Иначе...

– ...иначе выйдет, что тебя побил холоп? – раздался звонкий голос. Все в хоромах застыли в страхе. За поединком совершенно позабыли о внешнем мире, и мир преподнес им неприятный сюрприз.

– Что здесь происходит?! – спросил голос. Парни обернулись, чувствуют, что делают плохо. Но Любимка видит, что их испуг напрасен. На пороге терема тягателей стоит Варька. Да, умница. Да, красавица. Но всего лишь девчонка. Дочка библиотекаря Харитона.

– Девка?! – вскинул брови Ярополк, выпрямляясь. – Что здесь делает девка?!

– Очень интересно, – проигнорировала его слова Варвара и счастливо улыбнулась.

Варвара одета в простое длинное платье с множеством завязочек и шнурков. И все завязаны в аккуратные бантики. Мания такая у девки, что делать? Под мышкой пачка книг. Темно рыжие волосы заплетены в две короткие косы. Личико вполне себе красивое, если бы не серьезное до хмурости выражение, которое является обычным для Варвары. Глаза тоже рыжие, с зеленоватым оттенком, глядят цепко и слегка насмешливо.

– Чего тебе интересно?! – озлился Ярополк. Не привык, чтобы с ним говорили в подобном тоне.

– Наставник Стоян любит таким, как вы, спесь сбивать, – сказала девушка и демонстративно выглянула за дверь. Дружки Ярополка заметно побледнели.

– Стоян в тереме богатырей принимает калику Олега, – ответил Ярополк.

– А значит – совсем рядом, – не смутилась Варвара. – Четыре года назад, когда прошлый поток тягателей обучался, отец часто меня слал с письмами к Буслаю. Стоян помогал молодых богатырей воспитывать. Иваш до сих пор его лютость поминает. Не завидую вам.

Девочка мило улыбнулась и продолжала.

– Каждый раз что-то новенькое выдумывал. Кнут был, уборка выгребных ям, стояние всю ночь на одной ноге посреди россыпи раскаленных углей. Любопытно, что придумает на сей раз.

Парни переглянулись.

– Ярополк, мы это, пойдем, пожалуй, – сказал конопатый.

– Вы что, поверили этой дуре?! – воскликнул Ярополк.

– Не то, чтобы поверили... – пробормотал другой дружок. – Но это же Варька, дочка библиотекаря. Всяк знает – не умеет врать.

В дверях образовался затор. После недолгого пыхтения и хруста горница опустела.

Ярополк зло поглядел на Варвару.

– Как ты смеешь пугать меня Стояном?! Мой батюшка воевода и...

– ...поддержит первого наставника. – Голос девочки преобразился. В нем больше не было ни насмешки, ни веселья. Глаза приобрели ярко зеленый оттенок. – Да еще и от себя добавит. Потому как, не поднялся бы вопрос – нужен ли княжеству такой воспитатель гридней, который собственного сына воспитать не в состоянии?

Ярополка вспыхнул и сжал кулаки. Казалось, сейчас бросится на девочку. Варвара, не моргнув глазом, выдержала его яростный взгляд.

- Так ты еще и трус? – с улыбкой проговорила она.
- Трус?! Это ты про меня?! – воинственный вид разом слетел с него.
- Только трусы нападают на тех, кто слабее! Разве не это ты сейчас обдумываешь?
- Это было уже слишком. Парень задрожал и резко отвернулся.
- Была бы ты парнем, – буркнул он и вылетел из гридницы, только дверь хлопнула.
- Ты бы ко мне подойти боялся, – шепнула вслед Варвара, прикрывая аккуратно дверь.

Девушка повернулась к Любимке, лицо ее разительно изменилось.

- Сильно досталось?

Ее тонкие пальчики коснулись избитого лица. Рука Варвары была прохладная и очень ласковая. Любимке захотелось потянуться к ней, прижаться щекой ко всей ладони. Но он зло отдернул голову.

- Я в порядке. Зачем вмешалась? Я почти побил его!

На лице девушки зажглась ироничная улыбка.

- Да, я видела.

Любимка дернулся, будто его ударили.

- Если бы я победил, я бы всем доказал, что достоин! А теперь... Эх!

Он махнул рукой.

– Ради мечты не побоялся бросить вызов сыну самого Стойгнева, – проговорила Варвара, внимательно глядя на него. – Ярополк бы тебя до полусмерти прибил. А то и покалечил.

– Кишка тонка, – буркнул Любим и замолчал. Еще не сделавшись тягачем, сын воеводы уже умеет переходить в режим земной тяги. Это о многом говорит.

– Сам бы не справился, дружки бы подсобили. А потом при встрече напоминал бы да издевался.

Любимка раскрыл рот, чтобы спорить, но вместо этого представил себя жалким калекой и содрогнулся от ужаса. "А коли проиграешь, быть тебе холопом во веки веков. Ни один калика к тебе не придет" – так сказал Ярополк.

Уже другими глазами поглядел на Варвару.

- Ты это... – проговорил, отводя глаза. – Спасибо, в общем.

– Завсегда, пожалуйста, – ответила девчонка. В тот момент она не выглядела строгой или нарочито серьезной. Искренность, вот что увидел Любимка на ее раскрасневшемся лице.

Девочка подняла с пола метлу и с загадочной улыбкой протянула ему.

- Продолжай свое послушание, отрок. А мне пора.

Она плотнее прижала книги острым локотком и выскользнула из гридницы.

Любимка остался стоять, ошарашенно глядя ей вслед.

Сказ 3 – Богатырство без калик

Ну, Варька дает. То ли ободрила, то ли оплевала. У нее не разберешь. Оно и понятно. Нельзя девушку близко к книгам допускать. Варвара умная не по годам, а ум девке только в тягость.

Не диво, что ее до сих пор замуж никто не взял. Тринадцать лет уж, засиделась считай. Какой муж пожелает невесту, которая умней его? Брр! Ярополку такого не пожелает.

Подумал так и ощутил внутри странное, доселе неиспытанное чувство. Будто плеснули чем едим. Чего это вдруг Ярополк должен с Варькой... Ну... Это... Мой она друг и все тут.

– Кхе-кхе!

Резко выпрямился. Перед ним стоял высокий статный парень. Совсем молодой, но борода густая, что считалось меж юными воинами признаком определенной зрелости. Вон у Любимки на подбородке ни одной волосины.

Иваш, тот самый тягатель Стояна, из-за которого Олег ушел в свое путешествие-обет. Четыре года назад сам был учеником школы богатырей, а сейчас уже старший богатырь, как и Стоян.

В легкой кольчуге, опоясанный кожаными ремнями. На поясе баклажка и длинный кинжал в нарядных ножнах. Огромные карие глаза глядят цепко и настороженно. С чего бы это?

– Здравствуй, э-э... Любим.

– И вам не хворать, – буркнул паренек угрюмо. Сейчас ругать начнет. Оно и понятно, вон какой беспорядок учинили.

Но богатырь не спешил ругаться. Он глядел на отрока странным взглядом, как будто сомневался в чем-то и медлил.

– Любим, я видел твою стычку с Ярополком, – задумчиво проговорил Иваш.

Любимка угрюмо молчал. Сызмальства считал постыдным жаловаться взрослым. Ведь его мечта – сделаться богатырем, а богатыри сами решают свои проблемы.

– Ты меня впечатлил, если честно, – неожиданно заявил Иваш. – Ярополк очень талантлив. Уже умеет использовать земную тягу. Пускай и неумело, всего на один удар. Но обычному человеку этого хватило бы с лихвой.

Отрок насупился. Иваш хвалит воеводова сына, а я, стало быть, виноватый выхожу?

– Здорово он тебе вдарил. Ты рухнул, как подкошенный.

Любимка ощутил, как щиплет глаза. Отвернулся резко, тыкая метлой в пол. Еще не хватало разреветься тут, навряд ли последней девчонки.

– Ты был без сознания. Это точно, – безжалостно продолжал Иваш.

Отрок оскалился, как маленький хищный зверек. Сейчас я ему все скажу!..

– Но твоя сила воли столь велика, что тело поднялось без участия сознания. Я не поверил собственным глазам!

Любимка разом позабыл о злости и вытаращил глаза.

– Мечи-калачи! А я думаю, чего я очнулся так странно – на ногах...

Иваш кивнул и задумчиво продолжил:

– Странно, что к человеку такой силы воли до сих пор не явился калика.

Отрок оторопел. Эта мысль была настолько созвучна его собственным думам, что усомнился в реальности происходящего.

– Я могу тебе помочь, – неожиданно сказал Иваш. Карие глаза сверкнули решимостью.

– К-как это?!

– Я наблюдал за тобой. Не один день наблюдал. И знаешь?! Люб ты мне, Любимка. Я видел, как ты подглядываешь за тренировками и повторяешь движения гридней и наставни-

ков. Не раз, и не два – постоянно. Твое упорство достойно лучшего применения. Ты на лету хватаешь то, что другим дается с большим трудом.

– Ешки-матрешки! Это я-то, – на щеках отрока выступил румянец.

– Но этого недостаточно, – продолжал Иваш. – Ты сам убедился, Ярополк легко с тобой расправился, не смотря на все твое геройство. Если бы не Варвара...

– Нет! – вспыхнул Любим. – Я обязательно побил бы его! Обязательно! Уй!..

Он ухватился за губу. От ярости слишком сильно разинул рот, подсохшая корочка лопнула, по щеке потекла кровь. Только теперь понял, насколько сильно его отделал Ярополк.

"Мечи-калачи! – мелькнула злая мысль. – Ему тоже досталось!"

– Это здорово, что ты не сдаешься и веришь в победу, – обрадовался Иваш. – Я вижу в тебе силу не меньшую, чем в Ярополке. А то и большую.

Сердце Любимки затрепетало в предвкушении.

– Но силу эту надо пробудить. Мы это сделаем. Я и ты.

Паренек с надеждой поднял глаза на богатыря.

– Правда?

Иваш продолжал, словно не слыша:

– Мне всегда претила эта традиция отбора богатырей. Почему это делают только калики? Каким-таким чутьем руководствуются? Когда я стал богатырем, вопросов стало еще больше. Почему я не могу взять себе ученика, если вижу, что он достоин?!

Он говорил все громче, все эмоциональнее. Любимка не смел дышать.

– Наставники твердят – передавать земную тягу меж людьми невозможно. Сколь отмерил Бог при рождении, столь и есть. А вдруг это не так?! Коли человек смел и дерзает возжелать большего – неужели он не отыщет путь к силе?!

Любимка задрожал от страха и возбуждения. Мечи-калачи, про меня говорит! Точно, про меня!

– Я давно считаю, что традиция использования калик несправедлива, – вдохновенно вещал Иваш. – Раньше у меня не было достойных претендентов, чтобы доказать это...

Богатырь вдруг успокоился и окинул отрока пристальным взглядом.

– До сегодняшнего дня не было. Ты именно тот, кто мне нужен.

Любимка не знал, что думать. С одной стороны всю сознательную жизнь мечтал пойти в богатыри, и вот, казалось бы, выпал отличный шанс. Но всегда мечтал осуществить это традиционно, с помощью калики и школы богатырей. Слова Иваша возбудили в нем сомнения и даже страх.

– Как же так, – пролепетал он. – Ведь калики...

– Да, согласен, – богатырь словно сам с собой говорил, – калики будут против. Ведь мы отнимаем их работу. Кому такое понравится?

Любимка испугался еще больше. Иваш так легко перешел на это "мы", будто отрок уже со всем согласился и готов в любой момент действовать.

Согласие? Похоже, никакого согласия от него не требовалось. Только послушание и ничего больше...

– Поэтому мы станем тренироваться тайно. Я знаю одно хорошее место. Зброшенный терем на Моховых болотах.

Любимка вздрогнул. Все мальчишки города знают это место. О нем ходят легенды. Будто раньше там жил дряхлый дед, который не желал умирать. Когда за ним явилась смерть, он сумел убедить ее повременить, подсунув вместо себя слугу. Так и повелось, каждый год в одно и то же время смерть являлась вновь, и дед вынужден был подыскивать новую жертву.

С тех пор прошло много лет, заброшенный терем пришел в полное запустение. Он стоял на болотах и теперь не годился даже на дрова. Но мальчишки верили, что обезумевший дед

до сих пор прячется в покрытых плесенью стенах и думает, как бы сцапать неосторожного путника.

Любимка наткнулся на внимательный взгляд Иваша.

– Знаю такой, – поспешно кивнул. Чего доброго подумает, что я трушу. – И не верю в страшилки, которые про него рассказывают...

Он вспомнил, что Иваш не спрашивал ни о каких страшилках, и смутился.

– Приходи туда нынче в полночь. Я преподам тебе урок. Если все пройдет успешно, станем встречаться каждую неделю, а если потребуется и чаще.

Любим не смел поверить внезапно свалившемуся счастью. Самый настоящий богатырь! Зовет! Тренировать! Меня!

Ха-ха! И всему виной Ярополк. Вот обозлится, когда узнает.

– Ты согласен? – взгляд Иваша сделался требовательным. Любимку кольнуло изнутри, с чего бы молодому богатырю так наседали на него?

– Я вижу, ты колеблешься, – Иваш вновь прочитал его мысли. Любимка перепугался, что он сейчас просто развернется и уйдет...

– Мечи-калечи! Конечно, согласен! – завопил он.

– Вот и славно. Тогда я даю тебе первое задание, – голос Иваша сделался деловым. – Встречаемся сегодня в полночь. Ты легко ускользнешь из своей кельи и выйдешь за ворота. Тебя знают. Времена, нынче, спокойные.

– Да, – кивнул Любимка.

– На первое занятие ты должен принести книгу из княжеской библиотеки. Ее будет не трудно достать – она сейчас не в библиотеке, а в писарской избе на реставрации. Я знаю, ты вхож туда. У тебя ведь Варвара подружка? Она тебе поможет, коли сам не справишься.

Любимка кивал. Да, с библиотекой знаком. Да, в писарскую избу вхож. Да, Варька друг. Да, книгу добу... Стоп! Иваш предлагает взять ее без спроса?!

Любимка нахмурился. Одно дело нарушить режим, совсем другое взять чужую вещь. Это пахнет воровством.

– Книга выглядит так, – Иваш сунул ему клочок пергамента с рисунком. Осклизший белый череп, выше переносицы все закрыто гладкой маской с прорезями для глаз. Только вот прорезей отчего-то не две, а семь. – Запомнишь?! Хорошая у тебя память?!

– Не жалуюсь, – буркнул Любим.

– Отлично, – голос Иваша звучал преувеличенно бодро. – Бумагу я оставлю у себя.

– Но когда я беру книги – всегда спрашиваю у Листка. Обычно он позволяет, но...

– Похоже, ты меня совсем не слушал, – сокрушенно вздохнул Иваш, и Любимка, как наяву услышал невысказанные слова: "Стоит ли брать столь глупого ученика?"

– Если ты спросишь, это вызовет лишние толки. Тебе не положено брать такие книги. Даже знать, что они существуют. Ты должен принести ее тайно. Считаю это последней проверкой.

Любимка с сомнением поглядел на наставника.

– А нельзя без книги...

– Нельзя. Книга не простая, в ней есть слова-трактовки. После прочтения в человеке открываются тайные возможности. Я должен выяснить к чему ты больше склонен. Это у каликов всегда под рукой специальные богатырские медальоны. Нам же придется обойтись без них. Кстати, воевода Стойгнев имеет доступ в библиотеку и вполне мог бы взять эту книгу для Ярополка.

– Мечи-калечи! – вскричал Любимка. – Вот почему он такой сильный!

– Да-да. Не удивлюсь, что он уже заглядывал в эту книгу, – подхватил Иваш. – Именно поэтому он побил тебя. Я в этом уверен.

– Не побил он меня, – буркнул отрок. Глядя на несчастного паренька, богатырь смягчился и добавил:

– Не бойся, мы вернем книгу к утру.

– Да? А я думал... – Любимка повеселел. – Я сделаю это. Ждите меня в полночь.

– Отлично! Я не сомневался в тебе, – Иваш услышал шум за окном и оглянулся. – А сейчас продолжай работу и никому не рассказывай о нашем разговоре.

Любимка хотел поблагодарить, наговорить кучу обещаний, но богатыря уже не было рядом.

Паренек огляделся. Пусто. Даже дверь не скрипнула. Как они это делают?! Неужели скоро и я так смогу?!

С бешено бьющимся сердцем и с головой полной мечтаний, он засучил рукава, подхватил тряпку и принялся за уборку. Руки делали привычную работу, а голова была далеко-далеко, там, где он, Любим, проявлял чудеса силы и ловкости, побивал чудищ, спасал княжих дочек и удивлял наставников своими великими деяниями.

Когда солнечный луч пересек гридницу и коснулся камней очага, Любимка пребывал совсем не в таком радужном настроении.

– Все-таки брать без спросу – нехорошо. Когда все откроется, как я взгляну в глаза Варьке?! Ведь она мой лучший друг.

Он закончил уборку и окинул гридницу оценивающим взглядом. Лежаки с сундуками уходят ровными рядами в полумрак. Стоят, словно по струнке. Пол подметен, писарский стол у входа сияет, словно новенький, сургуч собран в специальную коробочку, новые свечи торчат из подсвечника. Очаг чистенький, камушек к камушку. Дверь смазана и не скрипит.

– Богатырская гридница к приему тягателей готова, – отрапортовал отрок и загрустил.

Ярополк будет здесь жить, тренироваться вместе с нынешним потоком ребят, которых уже скоро приведут калики. А я?.. В лучшем случае стану вороськи ходить в заброшенный дом, чтобы украсть крупицу знаний.

Медленно вышел во двор. Здесь царят два здания: терем богатырей и терем тягателей. Где какой различить нетрудно. Богатырский терем о три этажа стоит, как расписная игрушечка. Ко входу ведет широкая лестница с резными перилами, главные двери в две створки, массивные с коваными углами. Вместо ручек висят толстые чугунные кольца. Окна на всех этажах, включая первый, широкие, с разноцветными витражами, с нарядными наличниками. Двускатная крыша покрыта красной черепицей, из которой поднимаются беленые кирпичные трубы. Коньки резные, разукрашенные, вдоль краев крыши идут деревянные желоба.

На стенах резчик по дереву изобразил сцены богатырских подвигов. Там Илья пленяет Соловья Разбойника, тут Добрыня отрубает голову змею. Алеша Попович бьется с Тугарином. Когда-нибудь и мои подвиги будут увековечены на этой стене героев.

Любимка тяжело вздохнул. Пока не попал даже во второе здание, где все начинается. Терем тягателей, который он только что покинул. Снаружи он еще внушительней, чем изнутри. Не смотря на то, что в нем всего один этаж, высотой терем не уступает трехэтажному богатырскому. Сложен из чудовищных бревен, для того чтобы обхватить самое малое потребуется пара взрослых мужчин с длинными руками. Древесина тоже не простая – стальной дуб, который ныне можно встретить лишь в Запредельном Лесу. О прочности его ходят легенды. Сказывают, сам Святогор не мог разбить такое дерево с одного удара. Пилы и топоры мгновенно тупятся и ломаются, едва коснуться этого дерева. По легенде этот терем был сложен Святогором, когда он отправился в глушь для сугубой молитвы. Случилось это давным-давно, когда о Москве, и даже о Руси еще никто слухом не слыхивал.

Во дворе все еще тренируются гридни. Уже не такие бодрые, то и дело поглядывают на солнце. Командует Ждан, похоже, у дядьки Стояна с каликой разговор затянулся.

– Как поступить? – размышлял Любимка, идя по краю двора. В одной руке метла в другой бадья с выжатой тряпкой.

"Воровать – это грех. Не исполнить послушание – тоже грех. Куда не кинь, всюду клин! Что делать?!"

Рядом громко лязгнула дверь, Любимка вздрогнул и поднял голову. За думами не заметил, как очутился перед входом в богатырский терем. На крыльце стоят две ладные фигуры: первый наставник тягателей Стоян и калика Олег.

Любимка растерялся. Калика! Так близко?! А может набраться смелости да ка-ак...

Бросило в жар. Раскрыл рот и понял, что ни слова не может пробраться сквозь зажатое горло.

А эти двое стоят и улыбаются. Словно видят его мысли насквозь. Отрок перехватил взгляд синих глаз калики, сердце пошло набирать обороты. Бадья со стуком выпала из руки.

– Не потерял каличье чутье? – сказал калика, обращаясь к Стояну.

– Нет, конечно, – фыркнул первый наставник. – Чутье дается раз и на всю жизнь.

– Вон отрок стоит. Что про него скажешь? Много ли в нем тяги земной?!

В глазах калики сверкнули хитринки. Любимку бросило в пот, потом в холод. Словно с летнего жаркого полдня сразу окунули в снежную зиму. "Дождался! Мечи-калачи, дождался! Волнительно-то как! Вот и не понадобится воровать".

Сердце так сильно бухает внутри, что все тело подпрыгивает ему в такт. Скорее же! Скорей! Сейчас они глянут в мое нутро и увидят... увидят...

Стоян прищурился, как если бы Любим не стоял прямо перед ним, а был где-то далеко-далеко. Потом глаза его расширились, он отпрянул.

– Не может быть!

Богатырь ступил с крыльца и приблизился к Любиму. Сощурился так, что вместо глаз крохотные щелки. Словно пчелы покусали. Олег стоит невозмутимый, видно боится, что Стоян прочитает его мысли.

Любимка потихоньку выдохнул. Плечи сами собой расправились, подбородок вздернулся. Не подвели предчувствия. Я и правда уникальный. Вон как дядька Стоян поражен. Увидел, небось, земной тяги на сильномогучего богатыря. Вишь как расстроился, что сам не заметил. Теперь вся слава дядьке Олегу достанется.

А про Иваша я Варьке расскажу. Недобро это – книги в библиотеке воровать.

– Ты кого мне подсунил? – Стоян повернулся к Олегу. – Какого-то юродца. В нем же ни капли земной тяги. Ни единой даже крохотной капелюшечки.

Он с жалостью глянул на Любимку. Калика Олег расхохотался.

– Молодец! Доказал, что еще чего-то можешь. Я этого парня сразу приметил, он за нами вон из того окна наблюдал, когда мы бились.

– Да, любопытно, – Стоян потер подбородок. – Вроде сам русский, среди русских живет, а тяги нету вовсе. Уникум!

– Уникум, – согласился Олег. – Жаль со знаком минус. Идем, а то твои орлы что-то приуныли.

Стоян взглянул на небо.

– Батюшки! Их давно отпустить пора. Ну, Ждан изувер!

Они ушли, а Любим остался стоять. В голове образовалась пустота, в которую начали проваливаться мысли, чувства, весь мир.

– Ни капли земной тяги. Это про меня? Это во мне? Пустота.

Вспомнилось злое лицо Ярополка.

– Холоп! Ты холоп! – захохотал сынок воеводы. – Холопом и останешься! Во веки вечные! Навсегда!!!

Пустота медленно пожирала тело, приближаясь к сердцу.

И вдруг его что-то толкнуло. Любим вздрогнул и заморгал. По-прежнему светит солнце, не потухло, как предполагал отрок. Стоян распекает Ждана под насмешливым взглядом Олега. Что-то кричит начальница над княжьей челядью Авдотья, куда-то спешит конюх Митрофан. На колокольне прозвенел одинокий колокол. Мир живет, как ни в чем не бывало, даже не заметив смерти.

Смерти?! Какой смерти?! Кто умер?

Умерла мечта. Моя мечта.

– Ты чего, парень, – звонкий задорный голос. – Выше нос! Всегда есть выход!

Перед ним девушка. Невысокая, в платье до земли. Если и старше его, то совсем на чуть. Длинные прямые волосы опускались до талии, пухлые щеки, огромные глаза и широкая улыбка.

– Всегда есть выход, – заворуженно повторил он. Перед внутренним взором появился образ молодого богатыря. «Принеси книгу. Считай это проверкой!»

– Да! – Любимка улыбнулся девушке. – Всегда есть выход!

Он поднял бадью и со всех ног бросился со двора.

– А меня Пелагеей зовут! – крикнула вслед девушка. – На богатырей пришла поглядеть, песнь героическую сложить. Я ведь скоро самым известным на Руси менестрелем стану! Вот увидишь!

Сказ 4 – Моховые болота

Сердце колотилось о ребра, как бешеное. Любимка крался по темным улицам, прижимая к груди сверток из мешковины.

Варьку отыскал, когда уже смеркалось. Удача оказалась на его стороне, девочка целеустремленно перла мимо богатырского забора.

– Подь сюды. Дело есть.

Выглядел он донельзя загадочно, Варвара оглянулась и пошла за ним.

– Варь, а Варь, – проговорил он, чувствуя, что краснеет. К счастью подступающие сумерки и гигантская тень от терема тягателей не позволили девочке разглядеть его чувства. – Тайны хранить умеешь?

– Конечно, – ответила Варвара и с любопытством уставилась на него.

– Книгу надо, – сказал Любим. – Понимаешь, настоящий мне... Ну это... Не то, чтобы сказал... Да и не настоящий вовсе... Но это очень важно... Ну... Как бы... Э-э...

Он мялся и мямлил, ненавидя себя все больше. За столько лет не научился врать, глупо полагать, что это получится сразу, да еще и с Варькой, которая сама никогда не врёт и неправду чувствует, как калика земную тягу. Под взглядом рыжих глазищ ему сделалось очень неуютно.

"Все пропало, – обреченно подумал отрок. – Ешки-матрешки, не видать мне книги, как своих ушей!"

– А эта книга... – начала девочка и замолчала, раздумывая. – Эта книга нужна тебе для исполнения твоей мечты?

В такие моменты Варька его пугала. Иногда ему казалось, что она умеет читать мысли. Отрок успокаивал себя тем, дескать, это не она такая, это он, Любим, настолько прост, что все побуждения написаны на лбу.

Но сейчас не до глупых страхов. На кону его дальнейшая судьба. Отвечать не стал, какой смысл говорить, коли Варька все понимает без слов. Лишь кивнул и стал ждать, опустив взгляд на собственные лапти.

Девочка нахмурилась, тонкие пальчики крутили кончики рыжих косичек.

– Понятно, – сказала она и кивнула. Взгляд ее сделался насмешливо – проницательным. Ох, как Любимка не любил этот взгляд. Но что поделаешь, Варька друг, а друзьям многое прощают.

– Говори, как выглядит.

Мечи-калачи! Любимка едва не бросился ее расцеловать. Вот истинный друг. Даже не спросила, зачем надо и когда вернет.

Сбиваясь и путаясь, рассказал, как выглядит обложка. С каждым словом ощущал себя все более скверно. Это где же видано, чтобы для пробуждения силы богатырской нужна книжка с чудищами на обложке. Но Варька ничего не сказала, может, подумала, что кому как не будущему богатырю знать нечисть в лицо.

– Значит, калика тебя все же заметил, – проговорила она и коснулась кончиками пальцев его побитого лица. – Не зря получал раны.

Ее рука была прохладна, прикосновения приятны, вот уж не ожидал от себя этих телесных нежностей.

Не задав более ни единого вопроса, Варвара пообещала все сделать и тут же поспешила через Соборную площадь к уродливой глыбе библиотеки.

И вот он шагает к западной кремлевской стене с тяжелой книгой под мышкой, а уши полыхают от стыда.

– Мечи-калачи! Варька такая доверчивая, а я ирод окаянный!

Несколько раз останавливался, с решительным выражением лица разворачивался и даже делал пару шагов назад. Каждый следующий короче предыдущего.

В ушах начинали звучать голоса: "...ни капли земной тяги. Ни единой даже крохотной капельки!"

В груди пробуждалась боль, такая едкая, что щипало глаза. Любимка, позабыв колебания, бежал к Троицким воротам.

Книга и правда оказалась необычной. Здоровенная, в окованной жестью обложке. С хитрой защелкой. Заглянуть внутрь не решился. Девочку помогла ему завернуть фолиант в прочную ткань, так и тащил, пушай Иваш разбирается.

Чем дальше отходил от библиотеки, тем сильнее книга оттягивала руку. А ведь он даже не добрался до кремлевской стены.

Паренек обогнул двор княжий, по правую руку оставил двор патриарший. К западной стене жались терема бояр и выслужившихся гридней. Белые камни в темноте казались серыми, отчего стена выглядела зловеще.

Троицкая башня возвышается над стеной мрачной глыбой. Любимка отчетливо различал ее на фоне ночного неба. Внутренние ворота распахнуты, над входом два масляных светильника.

Внутри башни прохладно и сумрачно. Светильник здесь один и очень тусклый. Дабы страже легче было разглядеть тех, кто стучался во внешние ворота. Ворота на ночь закрываются, но в них есть калитка, в которую при нужде можно пропустить даже всадника с конем.

Стражей двое. Один дремлет, опершись на копьё, второй задумчиво бродит вдоль ворот.

– Кто идет! – крикнул он бодро, едва Любимка вступил в круг неровного света. Спящий подскочил, едва не выронил копьё, заозирался вытаращенными от усердия глазами.

– А?! Что?! Где?!

– Прости! Совсем забыл... – зашептал страж и сунул оброненное копьё товарищу. Тот ухватился за него и снова заснул.

Отрок узнал стража, высокого тощего парня с густыми усами.

– Ешки-матрешки! Это же Гришка-Жердина! Ха-ха-ха! – вскричал он. Страж зашикал и замахал руками.

Потом глаза его округлились, он зашипел:

– Какая я тебе жердина?! Никак не уймешься! Высокий я! Просто высокий!

Когда немного успокоились, завели беседу. Любимка сказал:

– Ну, как дела? Как служба?

Гришка отвечал:

– Служба-то? Хорошо. Начальником стражи вот сделали. Работаю за двоих.

– Хи-хи! – Любимка покосился на спящего и зажал рот ладошкой.

– Не смейся! – Гриня аж раскраснелся от обиды за товарища. – У него детки малые, дома бедлам, не дают выспаться. Ноне времена спокойные, вот я и позволил болезному....

– А ну как враг? – нахмурился Любим. – Страж должен бдеть!

– А я на что? – не сдавался Гриня и тут же сменил тему разговора. – А ты, не бросил еще глупые бредни про богатырей?

Любимка насупился. Это был их давний спор.

– Совет тебе – иди в стражу. Работка не пыльная, сильно не напрягают.

– А может я хочу, чтобы напрягали! – воскликнул Любимка. – Подвигов хочу!

– Ребячество, – отмахнулся Григорий. Любимка вспомнил это слово, которого наслушался еще когда приятель жил в приюте. Потом косяками пошли воспоминания многочисленных тупых шуточек, на которые был горазд Гришка, Любимка вдруг подумал, что не очень то и соскучился.

– На меня погляди? – разглагольствовал Григорий. – В тепле, уважаем, девицы поглядывают, – он подкрутил правый ус. Щеки порозовели, заметно даже в свете масляного фонаря.

– Гривен в карманах хоть отбавляй. Жилье имеется, – перечислял страж. – И не гоняют нас, как княжих гридней. Вот что главное. А в богатырях-то, смотри, еще сильнее станут гонять.

Любимка открыл было рот дабы отстоять честь богатырской стези. Поспорить не дала уставшая рука.

– Недосуг мне. Топать надо! Настоятель... – смутился, но Григорию большего и не требовалось.

– Отец Варфоломей-то? Никак не угомонится?

Он уже гремел засовом, отворяя калитку в воротах. Любимка выдохнул. Ночные послушания настолько привычны, что его даже никто не спрашивает, что в свертке.

Проскользнул мимо Григория, нога уже касалась деревянного настила моста.

– Стой!

Любимка застыл.

– Осторожнее в болотах, – напутствовал его Григорий. – Мужики сказывают, собаки пропадать стали. Кабы не завелось какое чудо-юдо...

– Хорошо, – проговорил отрок.

– И это... – замылся страж. – Настоятелю поклон передавай. Говори, дескать не заходит Григорий, потому что занят. Понял?! Так и скажи!

– Скажу, Гришка-Жердина! Обязательно скажу!

– Р-р-ра! Вертаться будешь, ух я тебя!

Не веря своему счастью, Любимка вприпрыжку бросился по мосту. Внизу тихо журчит Неглинная, сердце громко обстукивает ребра.

За мостом начинается местность за обширные пласты ряски и мха прозванная Моховым болотом. Меж кочек и холмов петляет дорога, которая ведет в стольный град Новгород.

Новгородский тракт один из самых оживленных. Даже малые дети в княжестве знают, что Новгород – это город хитроумных купцов и отважных мореходов. А Москва за последнее десятилетие стала важным перевалочным пунктом в транспортном пути между Востоком и Западом. По крайней мере так об этом говорит братец Иоанн, его приютский наставник. И Любимка ему, конечно же, верит. Потому что, во-первых, наставник очень умный и начитанный, а, во-вторых, у Любимки же есть глаза, он сам видит, как по тракту тянутся бесконечные вереницы телег, груженных товарами. Купеческие караваны разбавляют крестьянские подводы, везущие в столицу княжества снедь и пушнину. Среди общей толчеи яркими пятнами выделяются фургоны скоморохов, которые умудряются перешуметь даже нескончаемый гомон дороги. Звучат рожки, бренчат бубны, порывают медведи, кувываются акробаты.

Но все это происходит днем, в полночь дорога пуста. Караваны не успевшие засветло миновать ворота ночуют прямо под открытым небом. Любимка видел поодаль темные силуэты телег и фургонов, отблески углей догоревших костров.

Света звезд вполне хватает, чтобы разглядеть унылые просторы Моховых болот с чахлыми кривоствольными деревцами и оконцами темной воды. Над болотом плывут обрывки тумана, причудливо изгибаясь, наполняя пространство таинственной жизнью. В тишине громко звучат голоса лягушек.

Любимка вспомнил слова Гришки-жердины о пропавших собаках. Вот бы здорово, если это и правда чудище! Я бы его пымал и, такой, дядьке Ивашу предоставил. Дескать, вот вам, дядечка! Не ошиблись во мне!

На душу плеснуло чем-то едким. Захлестнула обида и злость. А калика Олег ошибся! Есть во мне сила богатырская! Не может не быть!

Пройдя по дороге с полуверсты Любимка остановился. До заброшенного терема отсюда рукой подать, хоть его и не видно в сумерках. Отрок свернул с хорошо наезженного, посыпанного щебнем тракта и осторожно ступил в высокую траву. Под ногами захлюпало. Болото около тракта осушили, но оно так и норовит вернуться.

Шел быстро, огибая оконца воды. Пару раз провалился по колено. Вода тут же пропитала онучи, противно хлюпала в лапте.

Потом дорогу преградили кусты. Ива, прозванная в народе козушкой, натыкана плотно, тянет свои колючие ветви. Листики шелестят, полощутся на ветру. "Не пройдеши! Не сдюшишь!"

Продирался сквозь кусты долго и упорно. Когда уже совсем решил, что заплутал, вдруг выскочил на свободное пространство. Дом поджидал его в темноте, словно тать ночной. Провал окна оскалился беззубой пастью.

Любимка подкрался и заглянул. Внутри, словно две сестры, царствуют тишина и темнота. В голове ожили все страшилки, которые слышал о брошенном доме. Помнится, один менестрель пел про проклятый старый дом...

Враки! Мечи-калachi! Иваш специально выбрал такое место, чтобы проверить мою смелость. Любимка резко выдохнул и толкнул дверь.

Раздался ужасный скрип, в нос ударил влажный застоявшийся воздух, пропитанный плесенью. Любимка прислушался. Не похоже, чтобы здесь кто-нибудь был.

Неугомонное сердце начало набирать обороты. А вдруг сказки про деда правда? Он превратился в упыря, сидит сейчас в темноте, смотрит жадными глазами, тянется скрюченными пальцами...

Тьфу ты! Собственное сердце предать норовит. Угомонись, окаянное!

"Я не от страха – я жажду боя! – оправдывалось сердце, прыгая туда-сюда. – Иди сюда, монстр! Ужо я тебе!..."

Ешки-матрешки, ничего не видать. Надо зажечь огонь.

Ощупал ногой пол. Доски прогнили, угрожающе похрустывали. Зато здесь не так сыро, как на улице. Присел и осторожно прислонил сверток к стене. Уф, какое блаженство. По онемевшим мышцам словно огонь пустили.

Извлек из-за пазухи мешочек. Внутри небольшой масляный светильник и огниво.

Тук-тук-тук! Сноп искр упал на трут, обернутый вокруг фитиля. Занялся крохотный огонек. Любимка убрал огниво и поднял светильник.

Дрожащее пламя разогнало мрак по углам. Отрок поднялся и уткнулся в оскаленную морду с остекленевшими глазами.

– А-а-а-а!

Светильник выпал из ослабевших рук, свет мигнул и погас. Тьма злорадно прыгнула из углов, заполняя комнату.

Тук-тук! Тук-тук! Тук-тук! Мечи-калachi! Страшно-то как! Любимка понял, что еще чуть-чуть и заскулит, как напуганный щенок.

Целую вечность ждал, когда оскаленная морда прыгнет на него из темноты, но все было тихо. Наконец, заставил себя присесть. Руки зашарили по доскам пола.

Пальцы влезли во что-то липкое и противное. "Фу, что это?" К счастью светильник оказался рядом.

Тук-тук-тук. Сноп искр, крохотный огонек. Сердце будто взбесилось, в голове жарко от страха.

Любимка вскинул светильник, теперь знал, куда смотреть.

На сей раз оскаленная морда выскочила из тьмы не так быстро. Да, она по-прежнему здесь. И, слава Богу, недвижима.

– Мечи-калachi! Это же собака!

Смерть застала ее в ярости, зубы оскалены, глаза распахнуты, уши прижаты к голове. Тело висело на крюке, вбитом в стену. На полу натекла лужа темной крови.

Так вот во что я влез пальцами. Любимка брезгливо сморщился.

Что убило пса? Неужели старый дед и правда сделался упырем?! Липкий страх холодными пальцами пробежал вдоль хребта.

Что же делать? Зачем Иваш позвал меня сюда? Может это проверка? Коли я справлюсь с дедом, он возьмет меня в ученики?

Эта мысль ободрила и прогнала страх. Губы отрока превратились в твердую полоску. Коли надо – значит справлюсь.

На плечо легла тяжесть, отрок подавился криком. Лапоть ступил в лужу крови, заскользил. Чтобы не упасть, ухватился за мертвое тело. Лицом уткнулся прямо в оскаленную морду. В ноздришибанул запах тлена. Желудок подскочил к горлу. Все это смешалось с диким страхом.

В довершении ко всему светильник упал на пол и с жалобным хрустом разлетелся на части. Огонь тут же погас. Любимка остался в темноте.

Сказ 5 – Книга Полуночи

– Тихо. Это я, – прошипел из темноты знакомый голос. От облегчения Любимка едва не потерял сознание.

– Ешки-матрешки! До чего неслышно подкрался! Я чуть лужу не наделал! – сказал отрок, пытаясь обуздать ломкий голос.

Темный силуэт хмыкнул, Любимка с удивлением понял, что может различить его.

– Будешь делать, как я скажу, сам так сможешь.

Шаги направились к еще более темному месту. Любимка на ощупь отыскал сверток. Не хватало потерять книгу. Обойдя тело собаки по дуге, двинулся следом, осторожно щупая перед собой ногой, прежде чем надежно встать. Ужасно скрипнуло, Любимка ощутил, как за спиной закрылась дверь. Сделалось жутковато. Теперь никто его здесь не увидит, а он наедине...

Фу ты, ну ты! Это же Иваш, богатырь княжества московского. Чего с ним бояться?

Раздался звук ударов, полетели искры, затеплилась маленькая свечка. Потом от нее вспыхнула еще и еще одна. Тьма отступила, Любимка смог разглядеть помещение.

Здесь стоял старый дубовый стол, несколько развалившихся шкафчиков. Покосившаяся, но еще крепкая лавка. На ней-то и сидел Иваш, зажигая последнюю свечу. Он хлопнул ладонью по столешнице, она была чистой, без пыли и плесени, богатырь явно приготовил стол заранее.

– Принес? – спросил Иваш. Свечи озаряли его лицо снизу, отчего оно казалось незнакомым и страшным.

– Ага! – кивнул Любимка.

– Давай сюда!

Глаза Иваша блеснули. Любимка отступил на шаг. Показалось, что в них метнулось что-то темное и живое. Да нет, просто тень.

– Ну же! Чего медлишь?

Любимка оглянулся на дверь. Там по-прежнему висит эта... Эта... Кто и зачем умертвил ее? С какой целью принес сюда и привесил к стене?

– Пса убил я, – Иваш ухмыльнулся. – Не тебе одному потребны тренировки...

Оскал наставника напоминал волчий. Любимке сделалось жутко.

Преодолевая страх, заставил себя положить на стол сверток, долго не мог освободить книгу от мешковины.

– Скорей же! – рывкнул Иваш, ухватил за края и дернул. Во все стороны полетели обрывки ткани. Любимка вскрикнул, но богатырь не обращал на него внимания. Он жадно глядел на книгу.

– Да! Т-та самая!

От волнения парень начал заикаться. Трепеща, прикоснулся к кожаной тисненой обложке. Там перекрещивались черный и белый мечи, над которыми нависала страшная морда. В дрожащем свете морда казалась живой, челюстные мышцы подрагивали, как будто монстр собирался кинуться вперед и вцепиться мертвой хваткой.

Любимка невольно отступил. Иваш поднял на него глаза и захохотал.

– Чего боишься? Все так и должно быть. Книга реагирует на темные силы.

– Темные силы? – Любимка заставил себя вернуться, но книга все равно внушала непонятный страх.

– Они самые, – Иваш вновь склонился к фолианту. – Да не отходи ты. Пара шагов тебя не спасут.

– Откуда здесь темные силы? – собрался со смелостью паренек. – Неужели легенда о замурованном деде правда?

– Каком деде?! А, нет, – отмахнулся Иваш. – Здесь нет нечисти...

Любимка немного разочарованно выдохнул. А он, было, вообразил битву и великий подвиг. И князя московского, который прикалывает ему на грудь вот такенный орден.

– ... кроме той, что мы принесли с собой, – закончил Иваш и замолчал.

– Как это? Не понимаю... – проговорил Любимка и нервно оглянулся.

Богатырь перелистнул несколько страниц, на лице его возникло алчное выражение.

– Как же я соскучился по тебе! Да!

Пальцы касались пожелтевших страниц, скользили по ним, словно лаская. Страницы дрогнули и подались вверх, Любимка ощутил вибрацию воздуха, словно большой невидимый кот урчит от удовольствия.

Отроку вдруг захотелось оказаться как можно дальше от этого места. Поведение богатыря пугало.

– Что мне делать? – спросил Иваш, глядя в пространство.

– Ешки-матрешки, – фыркнул Любимка. – Откуда ж я знаю...

Он не договорил. Кровь заледенела в жилах. Ибо Иваш ответил сам себе. Только вот голос его уже не был его голосом.

– Отрок-к-х! Пусть глядит-т-х отрок-к-х!

– Что?! При чем здесь он?! – обычным голосом возразил себе Иваш. – Ведь он умрет, коли в нем нет...

– Молчи! Делай как я сказал-л-х!

Богатырь развернул раскрытую книгу, так резко, что толкнул краями несколько свечек, те плюхнулись на пол, зашипели и погасли. Но Иваш даже не заметил этого.

– Читай! – приказал он.

– Но... зачем? – пролепетал Любимка. Ему очень не нравились слова "ведь он умрет...". Иваш оскалился. Он как будто боролся с чем-то внутри себя. И явно проигрывал.

– Читай!

Под пылающим взором Любимка склонился к страницам книги и увидел изображение огромного воина в черном доспехе. Руки, ноги чудовищной толщины, а уж туловище... Шлем походил на маску оскаленного демона. Над переносицей гладкая личина с семью прорезями для глаз.

Полыхнуло темное пламя. Любимка закричал, попытался отпрянуть, бежать, но было поздно. Книга цепко держала его разум невидимыми оковами.

– Читай! Смелее!

На соседней с картинкой странице были начертаны черные, парящие туманом буквы.

«Перводemon Мрак, предводитель темного воинства. В качестве первого носителя использовано тело княжьего рода. Имя княжича сокрыто во мраке веков, есть мнения, что это не кто иной, как младший сын Святогора, Падший. Дабы отплатить своему старшему брату за обиду добровольно открыл ворота в свою душу, впуская чудовищную мощь князя демонов в этот мир. Но месть так и не была совершена до конца...»

Слова скользили в сознание, будто холодные змеи и обосновывались там навсегда.

«Перводemon Мрак способен многократно усиливать действие грехов и страстей любого человека и с их помощью управлять его помыслами. За всю историю известен лишь один человек, который сумел...»

– Дальше неразборчиво. Будто кто-то вытер... или нет, выжиг это имя...

– Не важно. Дальше.

«Кроме того Мрак обладает чудовищной силой, сопоставимой с земной тягой сильномогучих богатырей. Эту силу называли тленный дух или темная волна.

По правую руку Мрака всегда следует Черный Скоморох, иначе именуемый первым одержимником. Черный Скоморох умело возбуждает страсти толпы и использует их для ослабле-

ния противников хозяина. Без вмешательства небесных сил уничтожить темное воинство не представляется возможным».

Любимка похолодел. «Уничтожить темное воинство не представляется возможным...» Как же его тогда победили четырнадцать лет назад?! Да и раньше. Батенька настоятель сказывал, что перводемон – проклятие рода русского и является раз в полвека. Может быть не случайно богатыри и князь Владимир исчезли, и с тех пор их никто не видел...

– Прочитал? А теперь гляди сюда!

Иваш перевернул страницу и рукой нагнул голову отрока к книге. Там был символ. Символ, от которого у Любимки сразу же перехватило дыхание.

Черная секира на фоне черного облака между холодным прищуром семи черных глаз.

Рука давящая на плечо исчезла, но Любимка ощутил, что не может оторвать взгляд. Темное облако дрогнуло и начало расползаться. Семь глаз вдруг распахнулись во всю ширь. На их дне плескалась абсолютная тьма.

– Нет! Я не хочу! – пискнул Любимка. Он попытался отвернуться, мышцы шеи напряглись, но глаза не желали отрываться от изображения.

Темное облако пульсировало, расширялось, а вместе с ним пульсировало сердце Любимки.

– Не хочу... – выдавил отрок сквозь сведенное судорогой горло. – Не желаю!..

Глубоко внутри него что-то отозвалось этому облаку. Маленькая черная точка, которая вдруг стремительно стала расти, шириться, испускать черное свечение, если такое есть...

– Да! – прорычал Иваш. – Какая удача! Я овладею тленным духом и стану новым перводемоном в подлунном мире!

Любимка почувствовал, что летит в бездну.

Сказ 6 – Любимка против одержимника

– Хватит!

Книга захлопнулась. Любимка сел, будто его кто-то держал за нос, а потом резко отпустил. Что случилось?!

За столом застыл Иваш. Перед ним стоит калика Олег, лицо решительное, ладонь лежит на закрытой книге.

– Так вот зачем понадобился Любим. У самого духу не хватило взять книгу. Никогда не понимал, отчего все одержимники такие трусы?

Одержимники? Любимка вытаращил глаза. Единственные, кто мог противостоять богатырям на равных – это одержимые демонами люди. Их сила идет не от силы духа, которая есть земная тяга. Сила одержимника от демонической сущности, которой он позволил хозяйничать в собственном теле. Об одержимниках в семи княжествах не слышали со времен Битвы за Потерянный град.

– Убери руку, – сказал Иваш и отбросил ладонь Олега. Не успел калика ничего предпринять, как одержимник распахнул книгу и вгляделся в страницы.

Любимка поспешно поднялся и отступил в сторону. "Богатырь бьется, гридень в оцеплении стоит", – мудрые слова сотника. Когда же бьются богатырь и одержимник и вовсе надо тикать без оглядки, как можно скорее и как можно дальше.

Нет! Любимка упрямо тряхнул кудрями. Я будущий богатырь. Коли есть возможность узреть настоящий боевой поединок, нельзя упустить такую возможность.

Иваш неотрывно глядел в книгу. Волосы его трепетали, как от порыва злого ветра, пальцы скрючились и скребли стол.

Со страниц книги поднялся мерцающий алый знак – искаженное яростью лицо. Знак колыбался, словно был составлен из языков пламени. Лицо Иваша сделалось жалобным и напуганным.

– Говори! – рявкнул страшный голос.

– Но я... Не... – лепетал в ответ жалобный и напуганный.

– Говори, на раздумья нет времени!

– Но... Олег... – напуганное лицо обратилось к калике. Одна рука протянулась в жесте, как показалось Любимке, отчаяния.

– Поздно! Ты слишком далеко зашел! Без моего покровительства ты все потеряешь! Заклучай!

Калика озадаченно глядел на происходящее.

– Иваш, хорош паясничать. Верни книгу, и пойдем домой...

– Я... Я...

По щекам молодого богатыря текли слезы. Любимка содрогнулся от страха и жалости.

– Я сог-ла-сен! – выдавил Иваш и разрыдался.

– Уа-а-а-аха-ха-а! – торжествующе взревел яростный голос. Страх и жалобность мигом слетели с лица парня.

Страницы книги перелистывались сами собой так быстро, что волосы Иваша трепал ветер. Бешеным калейдоскопом над ней сменялись символы подобные тому, что висел перед одержимым богатырем ранее. Семь символов. Семь смертных грехов.

Хлоп! Книга захлопнулась и замерла на краю стола.

Парень расхохотался, безобразно запрокидывая голову. На его лице мешались и сталкивались разные виды эмоций. Человеческие и такие, которые не должны появляться на лицах

людей. Одна половина губ дьявольски ухмылялась, вторая скалилась в лютой злобе, один глаз полыхал яростью, второй лучился чудовищной хитростью.

– Жалкий библиотекарь не знает истинной ценности Книги Полуночи, – сказал Иваш грубым рыкающим голосом. – Для Харитона это просто редкий фолиант из древности. Он не знает, что книгу писал сам Черный Скоморох по велению перводемона Мрака. Он решил привести в подлунный мир армию демонов. А чтобы они могли действовать здесь, Мрак создал Семь Знаков Могущества, заключающих семь контрактов Силы.

Калика побледнел.

– Иваш?! Ты заключил контракт?! – Олег поник, словно услышал самое страшное известие. Любимка ничего не понял, но ощутил невозполнимую утрату.

– Что ты наделал, Иваш? Теперь его можно прогнать лишь вместе с твоей жизнью, – воскликнул калика.

– Кто сказал, что я захочу его прогнать?! – зло оскалился бывший богатырь. – Кто захочет прогнать силу, которая способна дать власть над миром?

– С тобой все ясно, но зачем тебе этот отрок? – калика кивнул на Любимку. Иваш захотал.

– Ха-ха-ха! Ты не зришь суть людей.

– Это я не зрю?! – вскинулся Олег. – Я калика, я чувствую людей!

– Ты чуешь тягу, а не людей. За тягой ты не видишь человека. Погляди на этого мальчика. В нем нет ни капли земной тяги, поэтому для тебя он никто. Но внутри него сокрыто настоящее сокровище. Драгоценность! Ха-ха, слепец! Ты отверг его. Оскорбил! Унизил! Поэтому он пришел ко мне! И останется со мной!

Любимка поймал недоверчивый взгляд калики и опустил глаза. Иваш прав. Именно эти мысли не давали ему спать последние годы. Отчего меня не замечают?! Чем я хуже?! Неужели моя мечта настолько недостижима?!

– Не важно. Сейчас есть более насущные проблемы.

Олег шагнул вперед и вновь положил ладонь на книгу.

– Ты отдашь ее мне!

Скрюченные пальцы одержимника накрыли руку калики.

– Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! – затрясся от смеха демон. – Кто ее заберет?! Ты?! Калика без чутья и без силы?! Ха-ха-ха!

Иваш сжал пальцы и начал приподнимать руку богатыря от книги.

– Я всегда был сильнее тебя, Иваш, – сказал Олег, мышцы его напряглись, и он начал медленно возвращать руку на место.

Одержимник оборвал смех, рот больше не улыбался, глаза лихорадочно блистали.

– Ты был сильнее, когда мы были богатырями. Сейчас я шагнул за грань. Теперь со мной мощь истовой ярости!

Он резко откинул ладонь калики и толкнул его в грудь, Олега словно тараном снесло. Громыкнуло, старый дом содрогнулся от основания до крыши. Посыпалась труха и плесень.

Любимка отступил в угол, калика поднялся. Лицо озаряет внутренний свет, волосы расплескались в воздухе.

– Да, ты стал сильнее. Но и я в путешествиях не лаптем щи хлебал.

Он опустил руку в переметную суму. Глаза Иваша сузились.

– Прозорливая Сума? – проговорил он. – Сегодня она тебе не поможет.

Калика выдернул руку, на раскрытой ладони лежал крохотный пестрый камушек. Олег улыбнулся и уронил его. С хрустом лопнул пол, трещина под столом потянулась прямо к Ивашу. Тот оскалился и с жутким грохотом просел по пояс, если бы не раскинул руки, ушел бы с головой.

Олег ухватил книгу и сунул Любимке.

– Беги в город! Подымай тревогу!

Паренек машинально принял книгу, но остался на месте.

– Беги, дурень. Сейчас не до обид. На кону судьба княжества. Я не сумею долго сдерживать демона. Беги!

Отрок сделал неуверенный шаг, второй.

– Любим, стой, – проговорил Иваш из-за стола. – Если ты уйдешь, ты навсегда останешься бессильным никчемой.

Любимка замер. Огромные голубые глаза вопрошающе уставились на Олега.

– Тебя ждет холопство, – кричал Иваш. – Все, как сказал тот парень, сын воеводы! Неужели ты этого хочешь?! Я подарю тебе весь мир! Ты станешь героем!

– Не слушай его. Он одержимник. Им нельзя верить! Он убьет тебя!

– Олег, ты глуп. Зачем мне убивать будущего последователя великой идеи одержимости?! Наоборот, я возвышу его. Любим, в тебе нет тяги, ни один калика не обратит на тебя внимания. А без калик тебе не стать богатырем! Ты никогда не исполнишь свою мечту! Никогда! Ха-ха-ха-ха!

– Но... Я... – Любимка беззвучно разевал рот.

– Но я знаю, как преодолеть отсутствие земной тяги. Я знаю, где взять силу. Помнишь, я говорил тебе, что силу можно передавать?! Идем со мной, и я расскажу тебе как!..

Личико отрока сделалось строгим:

– Нет! Не желаю становиться одержимником! Ты врал мне!

– Не время спорить – беги! – закричал калика, но Любимка медлил.

– А ты понимаешь, почему тебя не желают тренировать?! – истошно закричал Иваш. Или то, во что он превратился. – Почему тебя отдали попам и держат в черном теле?! Хочешь, я расскажу тебе?..

Стол распался на части, из-под земли выбиралось нечто страшное и оскаленное, лишь отдаленно напоминавшее человека.

– Беги! – прокричал калика, заступая дорогу чудищу. – Отдай книгу князю! Я задержу его!

Со свистом он выдернул меч из ножен. Оскаленная пасть Иваша визгливо рассмеялась.

– Ничего я от тебя не хочу, – зло выплюнул Любимка. – Я не верю одержимникам!

После этого слова демона превратились в звериный рык. Отрок развернулся и побежал.

– Вот и все, – сказал калика спокойно, когда крохотная фигурка исчезла во тьме. – Ты проиграл. Я задержу тебя, а дальше с демоном будут разбираться богатыри посильнее меня.

– Р-р-рау!

Иваш уже не мог говорить членораздельно. Ярость полностью овладела им. Он потянул из ножен длинный кинжал.

– Умр-ри!

Молниеносно Иваш прыгнул вперед, нанося удар сверху. Калика едва успел подставить меч. Бах! Под ногами хрустнули остатки половиц, Олег провалился по щиколотку. Его ноги продолжали двигаться, древесина хрустела и дыбилась, во все стороны разлеталась мелкая щепа.

Клинки замелькали со страшной скоростью, лезвия полосовали ночь, высекая снопы искр.

Дзинь! Бац! Клац!

Удары калики останавливались намертво, отдаваясь болью в руке, а потом и в плече. Его бросало из стороны в сторону. Вскоре Олег больше уклонялся, нежели принимал атаки на меч.

– Прозорливая Сума спасай, – шепнул калика и сдвинул суму вперед. И тут на лице Иваша проступило нечто нечеловеческое. Олег посмотрел на него и застыл, как лягушка под немигающим взглядом змеи.

Все мысли разом покинули голову богатыря, осталась лишь одуряющая ярость.

– Р-рау! – рыкнул калика, забыв о спасительной суме. – Уничтожу! Я тебя уничтожу!

– Поздно! – одержимник врезался в богатыря всем телом. Олег ощутил, что летит, едва успел собрать тягу в спине, как врезался в бревенчатую стену.

Хрясь! Толстенные бревна переломились, как прутики. Одержимник пронес его сквозь стену и грянул о землю.

Земля содрогнулась и застонала. В стороны ушли волны дрожи. За их спинами медленно оседал терем.

Иваш выпрямился. Калика хотел вскочить, но лишь с трудом сел. Рука подняла непривычно легкий меч. Лезвие сломлено у самой гарды.

– Вот и смерть твоя пришла, – прорычал Иваш, лицо его исказилось гневом. Он поднял кинжал.

Калика тряхнул головой. Разум вернулся к нему, только вот не слушается тело. Атака одержимника пробила защитный кокон земной тяги.

– Зато Любима ты не догонишь... – прошептал калика, ощущая, как во рту хлопает кровь.

Лицо одержимника полыхнуло лютой ненавистью.

– Умри!

Он замахнулся.

– Не тронь моего калику!

Иваш недоверчиво отступил и опустил кинжал. По лицу катились волны эмоций – опасение, недоверие, страх. Потом в глазах плеснуло злое торжество.

Калика затрепыхался, словно выброшенная на берег крупная рыба, но сил встать не было.

– Дурак! Зачем ты вернулся?!

Договорить не успел. Рукоять кинжала врезалась ему в затылок, и калика недвижимо растянулся на влажной земле.

– Тебя же волнует его судьба?! – указал одержимник острием кинжала на неподвижное тело. – Иначе бы ты не вернулся. Меняю его на книгу. Где она?

Любим был необычайно спокоен. Лицо его сурово хмурилось, кулаки судорожно сжимались.

– Книгу я бросил там, во дворе. Забирай и убирайся.

Глаза одержимника сверкнули.

– Добро. Я получил свое.

Он опустил кинжал на неподвижное тело.

Прямо перед расширенными зрачками отрока упали две чернильные капли, расплылись, словно в прозрачном стакане с ключевой водой. Расплылись и закружились. Любимка моргнул, пытаясь прочистить зрение, но кляксы упрямо плыли прямо перед зрачками. Станным образом это не мешало видеть. Наоборот, мир сделался четче и крупнее.

Нет времени! Скорее! Спасти калику!

Любимка рванул вперед. Нож уже почти касается обнаженного горла. Почему одержимник медлит?!

И отрок понял – мир замер. Застыл, как вмерзшая в лед лягушка. А он продавливается сквозь этот заледенелый воздух, как сквозь тугую невидимую стену.

Хлестнуло страхом. Сердце застыло в груди, на середине удара.

Кинжал Иваша дрогнул и сдвинулся. Время возобновляло бег. Думать о чуде некогда, главное спасти калику. С удвоенной силой Любимка стал продавливаться сквозь тугую воздух.

Не придумав ничего лучшего, просто положил ладони на руку одержимника и толкнул, пытаясь отвести удар.

Рука подалась неожиданно легко. А вместе с ней и все тело Иваша, словно в этом плотном воздухе он превратился в невесомую статую.

Не меняя позы, одержимник закрутился и отлетел в кучу обломков терема.

Бах! Время вновь обрело скорость. Сердце завершило удар и запрыгало, словно камушек под горку. С грохотом разлетелись бревна, с жутким скрежетом рухнул конек крыши, едва не задев голову калики.

Бежать! Нужно бежать!

Любимка ухватил Олега и потащил через кочки и бурьян.

Тело было необычайно тяжелым. У отрока захрустели суставы, казалось, что мышцы вот-вот порвутся, как старые веревки. Темные кляксы продолжали плавать перед зрачками, Любимке казалось, что от них в теле прибывает сил.

Куча бревен шевельнулась и раскатилась. Иваш медленно поднялся. Грохнуло об землю последнее, самое крупное бревно, подняв тучу брызг.

– Брось его! Олега я в любом случае уничтожу. А вот твоя судьба в твоих руках. Коли ты пойдешь со мной по доброй воле...

– Русские своих не бросают, – проговорил Любимка, упрямо подтаскивая неподвижное тело.

– Значит, ты выбрал смерть.

Сказав это Иваш исчез. Глаз Любимки уловил лишь стремительную приближающуюся тень.

Хоп! Одна рука легла на его горло, шлеп, вторая на затылок.

– В последний раз спрашиваю – сдаешься?!

На голове будто стальной обруч. Череп захрустел, Любимка закричал от страшной боли.

– Какие слабенькие у тебя кости, – осклабился Иваш. – Я могу раздавить их голыми руками.

Сквозь человеческие черты проступила оскаленная морда чудища. Демон ярости! Так вот кто сидит в Иваше и дергает за ниточки. Вот кому он вручил ключи от себя.

– Сила Мрака будет моя-а-а! – прорычала морда.

И тут Любимка успокоился. Вспомнилось темное место, куда попал, когда его вырубил Ярополк. К сердцу прикоснулась невидимая ледяная перчатка, уняла дрожь, замедлила удары. Переход от страха к полному спокойствию доставил почти физическое наслаждение. Губы сами собой раздвинулись в улыбку.

– Не думаю, – сказал он и положил правую ладонь на грудь одержимника. Чувства обострились настолько, что ощущал пальцами сердцебиение Иваша.

В голове родились слова. Любим не знал откуда они взялись, но произнес их четко и нараспев:

– Именем Мрака! Демон Ярости! Изыди!

И сжал кулак.

– Р-р-ра! – Страшный звук в клочья порвал барабанные перепонки.

– А-а-а! – по-человечьи жалобно крикнул Иваш.

Над ним появилась черная тень. Она гнулась, ломалась, корчилась. И кричала.

Едва оскаленная морда оторвалась от головы человека, звук пропал. Отрок увидел тянущиеся черные руки. Они хватались за какие-то белые нити. Потом призрака оторвало от человека и вместе с белыми нитями развеяло без остатка.

Иваш обмяк и рухнул на пропитанную влагой землю. Любимка осел рядом. Сверху упали мягкие капли. Пока сражались, небо затянуло тучами, и теперь на них проливался холодный очищающий дождь.

Где-то далеко за тучами торжествующе рыкнуло, хотя Любимка не мог бы поручиться, что это не был обыкновенный гром.

Из зарослей кустарника за происходящим следили большие зеленые глаза. Они, словно гнилушки, мерцали в темноте меж двух чахлах березок.

– Ближко. Как же он близко, – раздался дрожащий подобострастный голос.

Ему ответил второй, от которого повеяло лютот стужей.

– Нет. Нельзя.

– Но ведь он совсем беззащитен! Бери голыми руками. Разве не этого мы желали, когда даровали Ивашу книгу Полуночи? – не унимался блеющий голос. – Хозяин, позвольте поймать его для вас?

На тонкие стволы легли две ладони, бледные и синюшные в свете звезд, будто руки мертвеца. Пальцы сжались, их обладатель изготовился резко рвануть из темноты убежища. В паре десятков шагов Любимка склонился над каликой.

– Тихо. Тихо, – проговорил холодный голос. Пальцы окаменели, потом медленно разжались. – Успокойся. Все не так просто. Я не говорил тебе, не хотел пугать. Рядом еще богатыри.

– Что?! – в блеющем голосе метнулся страх. Бледные руки исчезли, в темноте раздалось копошение и хруст.

– Тише. Не дергайся, – продолжал холодный голос. – Я поставил защиту сразу, как мы появились здесь. Дурень Иваш, думал, что всех перехитрил. На деле он уже четыре года, как мошка под колпаком. Твой братец недаром ест свой хлеб...

– Не надо про брата. Плохой! Он плохой! – блеющий голос обиженно затих. Через какое-то время он нарушил тишину. – Что нам делать? Ведь они заберут его...

– Ждать, – тихо и убаюкивающе проговорил холодный голос. – Нам остается только ждать. Разведем окрестности, заведем кукол, освоимся. А там уж...

– Но Иваш. Разве он не был нашим...

– Хватит! – в голосе блеснула сталь. – Брысь! Ты меня утомил. Отдохни, пока хозяин действует...

Зашуршало и хрустнуло, из зелени выбрался высокий человек в длинном плаще. Лицо его скрывалось в тени капюшона. Не оглядываясь, он медленно побрел по болоту. Кусты за его спиной остались темными и пустыми.

Сказ 7 – Медальон богатыря

– Как ты это сделал? – воскликнул калика Олег. Любимка повернулся к нему и даже испугался. Глаз почти не видно, лишь узкие щелки. Калика жмурится, как жмурился Стоян, тогда, во дворе школы богатырей.

– Что сделал? – удивленно спросил отрок. Он приложил пальцы к вискам. Отчего так болит голова? Кажется, я сражался с Ивашем? Неужели я его одолел?

– Вот тебе и юродец, со знаком минус, – проговорил Олег. – Экзорцист доморощенный.

Любимка ничего не понял, но по тону калики ясно, что тот впечатлен. Отрок на всякий случай смутился и шаркнул ножкой. Хотя получилось скорее хлюпнул.

– Ешки-матрешки! Я чего? Я ничего... – пробормотал он, не зная куда деть руки и спрятать глаза. Боль в голове утихла, а вместе с ней поблекли воспоминания.

– Эй! – раздался громкий голос. – Я с вами еще не закончил!

Иваш медленно поднялся и пошел на них.

Да когда же это закончится?! Любимка побледнел и выдвинулся вперед.

– Любим, оставь. Он больше не опасен, – усталым голосом сообщил калика. – Идем, отыщем книгу и вернем ее в библиотеку. Харитон наверняка уже волнуется...

– Почему Харитон? – пролепетал Любимка. – Ведь я брал книгу у Варьки...

Он опустил глаза и покраснел.

– Не думаешь ли ты, – словно подражая кому-то, с улыбкой сказал Олег, – что Харитон не ведает, что происходит с одной из его книг? Я уверен, что кроме нас в этой игре участвовали...

Он взгляделся в темноту ночи и поежился.

– Впрочем, не важно.

Калика отвернулся и преспокойно побрел во двор. Любим ошарашенно глядел ему вслед.

– погоди! Ешки-матрешки! Это что же выходит, мне специально разрешили взять книгу...

– Эй, хватит говорить так, будто меня здесь нет! – закричал Иваш. – Я сильнее Олега. Если вы не станете со мной считаться...

Калика остановился, тяжело вздохнул и сказал, не оборачиваясь:

– Иваш, ты больше не одержимник. И даже не богатырь. Можешь сразу пойти к стражам и сдать.

– Что?! Ха-ха-ха! – смех прозвучал натянуто. – Не богатырь? Что за бред? Этого не может быть?

– Я калика. Мне видней.

Любимка недоуменно крутил головой. К его удивлению Иваш не спешил нападать. Он прикрыл глаза и словно к чему-то прислушивался. Потом саданул со всей дури кулаком по коньку обвалившейся крыши.

– Уй!

Парня скрутило от боли. Крыша даже не шелохнулась.

– Не понимаю... – пробормотал он и ударил снова.

Вопль боли тут же был заглушен криком ярости.

– Почему тяга не защищает меня?! Я богатырь! Это же на всю жизнь! Я не мог потерять...

Перед внутренним взором Любимки пронеслись образы, темная фигура демона, цепляющегося за белые нити, искаженное болью и яростью лицо Иваша. Отрок замедленно произнес:

– Когда демон уходил из него, утащил за собой земную тягу...

Боль пронзила голову, отрок вскрикнул и ухватился за виски.

– Мечи-калаци!

Калика покачал головой.

– Надо же. Ты видел то, что доступно лишь каликам...

Отрок выглядел жалобным и совсем крохотным.

– Любим, – сказал Олег, – ты совершил настоящий геройский поступок. Ты вернулся, чтобы защитить меня от смертельной опасности...

Это Любимка помнил. Как бежал сломя голову в темноту, как остановился и бросил книгу.

"Настоящий богатырь товарища в беде не бросает! Умру, а калику спасу!"

И он вернулся. Еще бы чуть и с каликой ему больше не говорить. Только вот, что было потом? Мысли ломались и путались.

– У меня для тебя кое-что есть... – Олег сунул руку за пазуху и долго что-то перебирал. Иваш опустил на корточки, обхватив голову ладонями, и больше не тревожил их. Сердце Любима ускорило бег.

Скорее! Скорее же! Чего он копается?!

– Вот! Выбери что-то одно, – очень серьезно сказал калика, вынимая из-за пазухи какой-то блестящий предмет.

На широкое кольцо были нанизаны серебряные цепочки. На конце каждой висели крохотные фигурки: меч, стрела и шлем.

– Но ведь это!.. – Любимка не смог договорить.

– Медальоны богатыря, – закончил за него калика с улыбкой. – Ты заслужил.

Любимка счастливо улыбнулся. Мир закружился в вальсе и куда-то поплыл. Перед ним остались лишь три серебряные фигурки: меч, стрела и шлем.

Тронул меч, отдернул руку, словно ожегшись. Подушечки пальцев нежно коснулись шлема.

Нет! Больше всего по душе мне...

– Стрела! Я выбираю стрелу!

Он взглянул на калику и остолбенел. Тот очень странно смотрел на него, словно... словно уже жалел о своем предложении.

Но Любимку не волновал калика, не волновали все одержимники мира, да и мир пусть подождет. Ибо в этот самый миг происходит само главное в его юной жизни – сбывается заветная мечта.

– Ешки-матрешки! Неужели это правда! – закричал Любим. – Я тягатель! Я стану богатырем!

Он с жаром расцеловал серебряную стрелку и в ликовании вскинул кулак к светлеющему небу. Как раз в этот момент тучи разошлись и показались далекие, но от этого не менее яркие звезды.

Костры, у которых отдыхают герои древности.

– Я обязательно приду. И у меня точно будет, что вам рассказать!

Отрок был абсолютно счастлив и не заметил, как на него глядят два человека. Один с лютой злобой, а второй с печалью и непонятной жалостью...

Тук-тук-тук! Григорий вздрогнул и огляделся. Его напарник дремлет, опершись на копье. Ровным светом горит масляный фонарь. В городе тишина и покой. Стук доносится со стороны ворот.

Странно. Григорий мог поклясться, что пару минут назад подходил к воротам и заглядывал в смотровое окошечко. Троицкий мост в длину имеет не меньше двух сотен саженей. Кто мог так быстро подобраться к воротам?

Григорий нахмурился. Неужели задремал?

Тук-тук-тук! Стук сделался требовательным. Гридень поглядел на спящего напарника. Может разбудить? Впрочем, всегда успеем. У Охапа малые дети, дома не поспишь...

Он подошел к воротам и раскрыл смотровое окошечко. Раскрыл и вздрогнул. По ту сторону ворот стоит человек в черном плаще.

Высокий. Окошечко находилось на уровне глаз не маленького Григория, незнакомцу же приходилось нагибаться.

– Кто таков? Что треба? – произнес стражник, стараясь, чтобы голос звучал бодро и строго.

Незнакомец ничего не ответил, только чуть сдвинул капюшон. Мелькнула бледная рука, из полумрака проступили черты.

Узкое, такое же бледное, как рука, лицо с тонкими губами, маленьким подбородком и выдающимся вперед острым носом. Но все это отходило на второй план, ибо властвовали на этом лице глаза.

Неестественно большие, яркие, словно подведенные черной сажей, с большими и хорошо прорисованными радужными оболочками неестественного ядовито зеленого цвета.

Какое-то время Григорий помолчал, глядя в эти слишком неподвижные глаза. Незнакомец не отвечал.

Может он глухой?

– Что вам нужно? Для обычных путников ночью ворота закрыты. Приходите...

И тут глаза незнакомца раскрылись. Григорий вздрогнул. Как может раскрыться то, что уже раскрыто?

Прежние глаза изломались и сложились, гридень понял, что они нарисованы на опущенных веках. Сейчас же веки поднялись...

Григорий застыл. Губы машинально закончили фразу:

– ... утром.

– Я не могу ждать, – проговорил путник ровным очень холодным голосом. – Отворяй.

Лицо Григория осталось безучастным к приказу, а это был приказ. Не дрогнул ни мускул. Зато руки послушно дернули щеколду, едва слышно скрипнули петли.

Непорядок. Надо смазать.

Совершенно беззвучно незнакомец очутился по эту сторону калитки.

– Затвори.

Скрип, шелк-шелк.

– Продолжай бдеть.

Григорий повернулся лицом к воротам и замер. Второй гридень, как ни в чем не бывало, похрапывал, опираясь на копьё.

– Хороша кукла. Хороша.

Незнакомец неспешно шагал по пустынным улицам города. С бледного лица смотрели ядовито зеленые неподвижные глаза.

Арка 2 – Любимка и Последняя битва

Сказ 1 – Малый княжий совет

Румяный краешек солнца только-только показался из-за далекого леса, а в княжских палатах уже полно народа.

– Демон был обезврежен без нашего участия, – говорит молодой щегольски одетый парень. Из-под сдвинутой набекрень шапки высовывается чуб пышных волос. Заложненное за правое ухо гусиное перо и черные пятна на пальцах безошибочно выдают писаря. – Отрок, а вернее то, что в нем сокрыто, изгнало демона и лишило Иваша земной тяги. С произошедшим еще предстоит разобраться, одно можно сказать точно. То, чего мы все опасались – произошло. Теперь надо решить, как быть с носителем.

Парень умолк и отступил назад, давая понять, что закончил. Его ноги ни на миг не оставались в покое, переступали, как копыта возбужденного коня. Руки не находили себе места.

– Спасибо, Листок.

Во главе длинного дубового стола восседал князь московский Александр. Лицо худощавое и обветренное. Среди светлых слегка выющихся волос запуталась седина. Борода короткая, прядка золотая, прядка серебряная. Локти князь утвердил на столе, ладони сцепленные в замок закрывают рот.

На князе белая рубаха, темные порты и сафьяновые скрипучие сапоги. На расшитом золотом поясе длинный кинжал в ношеных ножнах.

С обеих сторон от князя замерли воины в вороненом доспехе из личной охраны. Лица спрятаны под черными платами, руки лежат на рукоятках кинжалов. У каждого из-за левого плеча торчит короткий лук и оперения стрел.

– Теперь желаю слышать ваше мнение.

Князь обвел собравшихся острым взглядом чуть прищуренных серых глаз.

– Олег.

Калика сидел на другом конце стола и, казалось, был безучастен к рассказу писаря.

– Я не знал, что все это подстроено... – он машинально поправил переметную суму. – В любом случае, Любим тоже не знал. Он спас меня. Проявил настоящую смелость и доблесть...

– Мальчишка пренебрег приказом, – каркнуло из темного угла. К столу придвинулся высокий тощий тип. Урядник Фрол, правая рука князя. Желтоватая, как пергамент, кожа туго обтягивает кости. Абсолютно лысая голова, как бледная дыня, лежит на светлом воротнике гармошкой. Остальное одеяние выдержано в мрачных тонах, так любимых урядником. Тонкогубый рот окружен кольцом жиденькой бледной растительности. – В руки врагу могла попасть самая величайшая ценность княжества. Уму непостижимо! Да этого вашего Любима выдрать мало, а он ему медальоны сует!

– Я не нуждаюсь в поучениях человека, не имеющего никакого понятия ни о чести, ни о доблести... – калика вскинул подбородок. – За свои решения я несу ответ только перед первым богатырем Буслаем и князем Александром.

– Этим ты сейчас и занимаешься! – рявкнул урядник. – Отчитываешься перед князем Александром.

– Тихо, Фрол, – князь вскинул руку, и спорщики затихли. – Дай Олегу закончить мысль.

– Я вручил медальон. Других мыслей у меня нет, – пожал плечами калика. Фрол громко фыркнул и злобно оскалился.

– Что скажешь ты? – перевел на него взгляд князь.

– Отрок сам по себе нам не ценен. Ценно то, что сокрыто в нем. Он как кубышка с драгоценностью, – урядник осторожно положил на раскрытую ладонь маленький драгоценный камушек. – Кубышку не спрашивают что да как, ее прячут подальше от недобрых глаз.

Он быстро сжал кулак и убрал его под стол. Князь кивнул. Прищуренные глаза обратились к Листку.

– Что скажет Харитон?

Писарь застыл, что при его подвижности казалось неестественным. Зрачки парня расширились и медленно приняли обычный размер.

– Харитон... – проговорил парень и вдруг на глазах стал оживать до прежнего состояния. – Ах, Харитон. Первый библиотекарь полностью согласен с мнением уважаемого... урядника.

Писарь учтиво склонился в сторону Фрола. Казалось бы, уряднику обрадоваться поддержке, но тощий мужчина отпрянул, будто Листок бросил в него гадюку.

– Харитон считает, что отрок Любим еще пригодится нам для решения очень важных задач. И уверен, что без него эти задачи не могут быть решены.

– Как всегда туман и пыль... – тихо пробормотал Фрол, стараясь, впрочем, чтобы его не услышал Листок.

– Поэтому до поры до времени отрока стоит... – писарь развел руками, – приберечь.

– Ваше Святейшество? – голос князя преисполнился почтением.

Заговорил человек до сего момента сидевший неподвижно. Он был стар, с длинной седой бородой, в простой черной рясе. Старческие руки покоились на т-образном жезле из дерева. Высшее звание в нем выдавали лишь куколь, белый головной убор увенчанный крестом.

– Меня больше волнует безопасность мальчика, – тихо проговорил патриарх Иов. – Его душе угрожают темные силы, лучшего места, чем монастырь для него не отыскать. Я поговорю с настоятелем Варфоломеем, чтобы больше не давал Любиму послушаний вне стен обители.

– А как же медальон тягателя? – напомнил Олег. – Я не могу потребовать его назад.

– Насколько мне известно, – обратился к нему светлые пронизательные глаза патриарх, – в тягатели не принимают без согласия родителя, либо опекуна. У отрока Любима опекуном является настоятель Варфоломей, глава приюта при Чудовом монастыре. Коли он не подпишет бумаг...

Патриарх умолк.

– Ясно, – князь хмурился все больше. На какое-то время в палатах воцарилась тишина.

– А что думаешь ты, княже? – осторожно поинтересовался урядник. – То, что отрока надо сокрыть – это бесспорно, но, на мой взгляд, прятать его стоит не в монастыре, а в потайном месте. Поручить это можно нашей личной охране.

Урядник глянул на недвижимые фигуры в темном.

– Удивительно, – сказал вдруг князь и поднялся. – Нас здесь пять взрослых мужей, мы все высказываем свое мнение, спорим о чем-то...

Он остановился и поглядел на собравшихся.

– Но никто не подумал спросить отрока. Чего желает он?

Олег покраснел. Листок хмыкнул и дернул себя за чуб, Фрол оскалился и каркнул из угла:

– Княже! Кто станет интересоваться мнением простого отрока, когда на кону интересы княжества...

– А вот Иваш поинтересовался. И отрок едва нас не покинул, – князь обвел их строгим взглядом. – Какой прок прятать кубышку, коли она сама норовит сбежать? Помогут ли запреты настоятеля Варфоломея, коли сам Любим не пожелает их исполнять? Захочет ли отрок вернуть медальон, если он сызмальства грезит богатырством?

– Негоже ставить свои интересы выше интересов Святой Руси? Коли он в чем-то заблуждается, наш долг объяснить и направить, – тихо проговорил патриарх. – Я уверен, что настоятель Варфоломей справится.

Князь тяжело вздохнул и проговорил.

– Значит решено. Медальон Любима – забрать, отрока вернуть в монастырь до дальнейших распоряжений, настоятелю Варфоломею поговорить с мальцом и подготовить его к осознанию того, что сокрыто в нем. Все согласны?

Он обвел собравшихся вопрошающим взглядом. Листок продолжал "плясать", стоя на месте, Олег отвел глаза и вздохнул, Фрол нервно кусал тонкие губы, патриарх степенно кивнул.

– Вот и славно, – князь приоткрыл дверь. – Корней, давай сюда мальчика.

За дверью повисла тишина, потом раздался грузный топот, и в дверь ввалился здоровенный парняга в кафтане стража.

– Мальца?! Якого мальчика? – вытаращил он глаза от усердия. – Нету никакого мальчика.

– Как нету?! – казалось Фрол выскочит из своего темного одеяния и в одном воротнике побежит к парняге. – Разве тебе, дурья твоя башка, не приказали держать его в тереме?!

– А, того мальчика, – Корней сдвинул шапку и почесал макушку. – Ак ушел малец. И ведь как уверенно шагал. Как гутарил. Я думал это приказ князя, не меньше. О, как уверенно.

Парняга переводил взгляд с одного на другого и постепенно умолк.

– И куда же он пошел? – спросил Листок, улыбаясь и теребя чуб.

– Ак знамо куда, – расплылся в улыбке страж. – Он мне все уши прожужжал. Аки надоедливый шмель. Не умолкал ни на минутку. Вот те крест!

– Да говори уже куда! – вскричал Фрол. Пальцы его скрючились, как когти хищной птицы.

– А я рази не сказал? Так ить в школу богатырей побег малец. Сказал – нет времени. Стал быть, сильномогучим богатырем надо делаться. Иначе, мол, край! Нельзя жить!

– Вот тебе и малец, – хохотнул писарь. – Мы тут языками чешем, куда его пристроить. А он вона что, сам себя пристроил!..

Сказ 2 – Стоян по прозвищу "Жди подвоха"

Солнечные лучики только-только начали путь от пустой оружейной стойки до камина, во дворах кремля проголосили первые петухи, в тереме тягателей раздавалось сопение и умильное плямканье.

Тыдыщь! Дверь с грохотом распахнулась. На пороге возникла маленькая фигурка. Золотистые волосы блеснули в лучах восхода. Отрок шагнул прямо в центр гридницы, раскинул руки и завопил во все легкие:

– Па-адем! Встречай нового тягателя!!!

Звонкий смех серебром рассыпался по гриднице.

Один из лежаков был застелен дорогими простынями, сундук настолько переполнен, что крышка не закрывается до конца, но даже так все вещи сына воеводы не влезли. Часть мешков и свертков пришлось свалить прямо на пол.

С лежака подскочил парень. Глаза по пятаку, волосы во все стороны. Из одежды только портки.

– А? Что? Где?!

Этот ошалелый и перепуганный Ярополк настолько не походил на давешнего надменного и язвительного, что Любимка разом простил ему все.

– Ну что, болезный? Повесил нос-от благородный? – проговорил он с напускным участием. – Тяжело, небось, на казенных-то харчах?

Ярополк узнал отрока, соорудил брезгливую физиономию и принялся натягивать через голову шелковую рубаху. Любимка заметил множество синяков на поджаром теле и ощутил удовлетворение. Моих рук дело.

– Ты всегда перед уборкой так орешь? – сказал сын воеводы, подавив зевок. – Спасибо, разбудил. Держи монетку.

Он кинул медяк, Любимка и глазом не повел. Монетка стукнулась о деревянный пол и укатилась под лежак. То, что вчера вызывало ярость, сегодня скорее смешит. Медальон в кармане разом все изменил.

– Я ждал тебя, – продолжал сын воеводы. – Мои холопы намеренно натоптали, а за холопами ведь только холоп убрать может...

Ярополк уставился на Любимку, желая насладиться его обидой и злостью, но ничего подобного и в помине не было. Сын воеводы ощутил беспокойство.

Любимка рассмеялся. Демонстративно прошел по гриднице и с размаху сел на соседний лежак.

– Ого, я гляжу тебе мамка полтерема с собой собрала? Тяжко, небось, после батенькиных-то перин на простое воинское ложе перейти? Тело белое не ломит?

Он выразительно поглядел на багровое пятно, выглядывающее из-за ворота рубахи. Лицо Ярополка дрогнуло, кулаки сжались. Ага, пробрало таки! Любимка улегся на спину и закинул руки за голову.

– Эй, ты чего себе позволяешь?! – Ярополк поспешно натянул сапоги и выпрямился. – Я Стояну скажу. Твоя девка правду гутарила – лют наставник. Даже отец это признал. Всыплет тебе розог, мало не покажется.

– И то дело, – приподнялся Любим. – Сходи, приведи его. Нужон он мне шибко, а самому топтать, понимаешь, лень.

И завалился обратно, только доски скрипнули. Лицо Ярополка пошло пятнами, губы искривила злая гримаса. Явно не может придумать, как поступить. Слишком нагло ведет себя Любим. Слишком уверенно.

От колебаний его избавил скрип дверей. В гридницу вплыл ковшик. Обыкновенный берестяной, такие сотнями продаются на заречных рынках Москвы. Следом потянулась рука. Длинная, мускулистая.

Кто это? Любимка сел на лежаке, рядом столбом торчал Ярополк. Остороженько, на цыпочках в гридницу вошел первый наставник Стоян. Лицо хитрющее, глаза поблескивают, рука с ковшом подрагивает в предвкушении, аж вода на пол плещет. На плече сидит его любимое глиняное чучелко.

Любимка недоуменно моргнул. С таким же лицом Гришка Жердина творил свои пакости. Неужели наставник школы богатырей опустится до глупых шалостей?!..

– Ой, – увидев их, Стоян поспешно поставил ковшик на стол у входа. – Уже встал?

Лицо наставника лучилось такой невинностью, что Любимка еще больше укрепился в подозрении по поводу назначения ковшика.

– А ты чего тут делаешь? – взгляд карих глаз сделался строгим. – С момента заселения первого тягателя посторонним вход в терем тягателей строго воспрещен. Настоятель Варфоломей это знает, он не должен больше тебя присылать.

– А я говорил, что холопам здесь не место, – наябедничал Ярополк.

Пора брать судьбу в свои руки. Плечи Любимки расправились, подбородок гордо уставился в небо. Выйдя на середку гридницы, рявкнул:

– Тягатель Любим прибыл в распоряжение школы богатырей! Готов приступить к тренировкам!

В гриднице повисла тишина. Наставник молчал, вскинув брови. Ярополк недоуменно крутил головой.

– Что за шутки? Это совсем не смешно.

– Я... У меня... – Любимка сунул руки в карманы портков, по полу раскатились скомканые бумажки, раздавленные орешки, ударились и разлетелась глиняная свистулька. Отрок даже глазом не повел. – Сейчас!.. Где-то она тут была!.. Обождите!..

Наставник терпеливо ждал, Ярополк раздувался от возмущения.

– Ай! – Любимка сунул палец в рот. – Острая! Как настоящая.

Из кармана появилась серебряная цепочка, потом в утренних лучах солнца блеснула крохотная серебряная стрела.

– Что-о?! Не может быть! – глаза воеводова сына округлились. Он цапнул себя за карман, на свет появилась точно такая же серебряная стрела. Ярополк облегченно выдохнул.

Стоян прищурился и поскреб рукой короткую бороду. Волоски хрустели под крепкими ногтями.

– Мне ее калика Олег дал, – важно заявил Любимка. – Я его того – от смертушки спас.

Сказал и покраснел. Вроде как хвастовство выходит, а истинные богатыри подвигами не бахвалятся.

Ярополка трясло от злости. "Немыслимо! Коли каждого холопа в тягатели брать?!.." Стоян глубоко задумался, почесывая подбородок.

– Вот что, ребята, – молвил он. – Я уже давно Буслаю говорю – самодуры наши калики, что хотят, то и воруют. А нам, наставникам потом разгребай.

Он хмуро поглядел на отроков, словно это они были в ответе за действия калик.

– Мечи-калachi! Вы же сами недавно каликой были, – возмутился Любимка.

– А я согласен с наставником, – смиренно сказал Ярополк. – Холопам не место среди богатырей.

Стоян подошел к канцелярскому столу, ногой придвинул табурет и сел. Все это в полной тишине. "Неужели Ярополк прав?! – похолодел Любимка. – Нужно что-то делать!"

Наставник невозмутимо поднял светильник и взял из специального отсека сургуч. Огонек плавил его с тихим шипением, темные капли падали прямо на стол. Отроки переглянулись. Слишком долго молчит богатырь. Не к добру.

Кап-кап, лужица жидкого сургуча увеличивалась. Наконец, Стоян убрал огонь.

– Медальоны медальонами, – проговорил он, тщательно очищая руки, – а в стенах школьных у нас в ходу совсем другие знаки отличия.

Он сжал кулак,дохнул на него и вмял прямо в сургучовую каплю.

– Наставничья печать, – прошептал Ярополк, пальцы его скрючились, словно хотел что-то ухватить.

– Какая-какая печать? – вытянул шею Любимка. Стоян убрал руку, лишь тогда отрок заметил на его пальце перстень с печаткой. Именно ее и приложил первый наставник к сургучовой капле.

– Каждый уважающий себя тягатель должен иметь в кармане вот такую вещьцу.

Стоян аккуратно сколупнул каплю и опустил ее в ковш с водой.

– Хороша вышла.

Сурово сдвинув брови, он повернулся к отрокам.

– Это – печать наставника. Тягатель, у которого она есть – настоящий тягатель. У кого нет – пустышка. Коли такой человек случится в нашей дружной компании – ему лучше добровольно убраться восвояси.

Ярополк перестал улыбаться.

– Надеюсь, вы знаете, кому ее дать? Мой отец воевода и...

– Так не честно! – завопил Любимка. – Ведь мы оба заслужили медальоны! Нельзя нас взять и выгнать!

– Чего вы так разволновались? – первый наставник поглядел на печать потом на отроков. – Я ведь не сказал, что она достанется кому-то из вас.

– Что-о?! – впервые Любимка и Ярополк выказали единодушие. Они даже кричали хором. – Не нам?! Тогда кому?!

– А вы разве не слыхали? – первый наставник приподнял брови. – Калика Олег привел сильномогучего супертягателя. Четыре года искал, и вот свершилось.

Ребята переглянулись.

– Знаю-знаю! – запрыгал Любимка. – Четыре года назад калика Олег поклялся, что отыщет тягателя, который станет сильномогучим богатырем.

– Да, я слышал что-то от отца, – нахмурил лоб Ярополк. – Думал это пустые рассказы. Сильномогучих богатырей нет со времен битвы за Потерянный Град. Один Микола Стародуб и остался.

– Вот! – воскликнул наставник с деланой обидой. – Вкалываешь тут на нужды княжества, исполняешь приказы князя – ан нет. Оказывается путь к славе другой – шлейся четыре года незнамо где, приведи неведомо кого и все – ты герой.

– Э-э, дядька Стоян. Да вы завидуете никак? – уставился на него Любимка. – Нельзя так. Батенька говорит – от зависти до горести один шагоч.

Стоян вспыхнул, резко повернулся к Любимке, но наткнулся на чистые невинные глаза.

– Я.. Гм.. Не важно.

– Этот тягатель настолько хорош? – ревниво спросил Ярополк.

Стоян усмехнулся.

– Насколько хорош, чтобы получить эту печать вместо вас, ты это хотел спросить?

Отроки дружно закивали.

– Надо признать, что на сей раз Олег превзошел себя, – неохотно сказал Стоян. – Ни разу в жизни не видел столько земной тяги в одном человеке. Только вот...

Он замолчал.

– Только вот что?! – хором спросили отроки.

– Я не вижу в ней желания становиться великим богатырем. В ней вообще нет никаких желаний.

Ребята отпрянули, лица вытянулись.

– В ней?!?! Это девица чели?!?!

– Девчонка?! Богатырем?!

– А что? – удивился их удивлению Стоян. – История знает много примеров. Марья Моревна, Дарья Пудовые Косы. Василиса Премудрая, наконец. Правда последняя использовала тягу не для воинских забав, а для пробуждения мудрости. Но разве не это символизирует шлем на богатырских медальонах?

Отроки переглянулись.

– Ужас, – пробормотал Ярополк. – Холопы, девицы... куда катится школа?

– А мне все равно, – вскинул сжатый кулак Любимка. – Я буду усердно тренироваться и превзойду эту вашу сильномогучую девку.

– Хм. Это было бы весьма интересно, – задумчиво проговорил первый наставник. – Олежек отыскал супертягателя. А я – раз, и сделал из обыкновенных тягателей героев, которые превзошли ее...

Глаза его загорелись и почти сразу погасли.

– Увы, это невозможно...

– Дядька Стоян, что вы такое говорите?! – вскричал Любимка. – В приюте при Чудовом монастыре есть монах один, брат Иоанн. Он нас грамоте учит, наукам разным. Сказывал однажды историю про прародителя рода русского первого богатыря Святогора. Столкнулся однажды Святогор со злом великим, таким могущественным, что даже у него, сильнейшего человека, ни единого шанса супротив того зла не было. Близкие отговаривали богатыря, что тебе до зла, не к нам оно пришло, соседей неволит. И совладать с ним невозможно, все равно, де, рано или поздно вернется еще злее. Не лучше ли договориться с ним и друг дружку не трогать...

Любимка остановился, перевести дух. Говорил настолько вдохновенно, что даже Ярополк перестал бурчать и отпускать свои тупые замечания. Лицо Стояна оставалось беспристрастным. Любимка пустился рассказывать с еще большим жаром.

– Отвечал им богатырь: "Не могу я мимо зла пройти и глаза на непотребство закрыть. А то, что победа, де, невозможна, то для меня не приговор, а вызов! Возьму я свой меч-кладенец, заступлю дорогу злу непотребному да докажу всему миру, что невозможное – возможно!"

Любимка закончил, замерев в геройской позе. Ярополк громко фыркнул, а первый наставник поскреб бороду:

– Удивил ты меня, Любим. Мало кто ныне вспоминает это сказание...

Он задумчиво поглядел на обоих тягателей.

– Невозможное возможно, говоришь? После того, что мне показал вчера калика Олег, я бы не поставил и ломаного гроша на то, что ты когда-либо окажешься среди тягателей.

Любимка вздрогнул. Не хватало, чтобы первый наставник разболтал про его земную тягу. Вернее, отсутствие оной.

– Но не прошло суток, а ты уже здесь с медальоном в руке. Хм, невозможное возможно – это твой девиз?

Любимка затаил дыхание, страхась спугнуть удачу. Ярополк недоуменно крутил головой.

– Добро, – решил первый наставник. – Я дам вам шанс. Раз Несмеяна такая уникальная, изготовлю для нее другую печать. Тоже уникальную. А эта...

Он выловил сургуч из воды и вскинул руку, любуясь оттиском. Меч, стрела и книга переплетались в причудливый узор, являя особый знак школы богатырей.

– Эта печать достанется кому-то из вас, – молвил Стоян и сжал сургуч в кулаке. – Одному. Ярополк отпрянул:

– Что?! Вы ровняете меня с этим?!..

Любимка громко хлопнул в ладоши и растер их.

– Добро! Что надобно делать?

– Ничего из ряда вон выходящего, – улыбнулся Стоян. – Нужно просто принести мне этот сургуч. Заодно поглядим возможно ли невозможное. Не случайно ли отрок Любим очутился среди тягателей.

Ярополк презрительно фыркнул.

– Конечно случайно. И я докажу это.

– Мечи-калаци! Я не уступлю изнеженному папенькиному сыночку!

Тягатели злобно зыркнули друг на друга.

– Вижу настрой у вас боевой. Кто добудет печать, тот и станет тягателем. Второй, коли не пожелает уйти, будет у него на посылках.

– Мы чего же опять друг с дружкой драться должны? – оживился Любимка и посмотрел на Ярополка. – Вчера нам помешали, уж я тебя.

Сын воеводы лишь презрительно фыркнул и отвернулся.

– Поединок? Нет, – улыбнулся Стоян. – Вам придется забрать печать у охранника.

– Охранника? – Любимка недоуменно крутил головой, словно страж должен был выбраться из-под лежака или, как паук, спуститься с потолка.

– Ага. Его зовут Глиняшка, – голос Стояна потеплел.

– Ешки-матрешки! Звучит, как будто это игрушка какая, – Любимка неуверенно улыбнулся.

– Можно и так сказать, – Стоян осторожно снял с плеча глиняное чучелко.

– Мне дед его подарил...

Глаза наставника затуманились, голос потеплел.

– Ха-ха! Ешки-матрешки, всегда хотел спросить, зачем вы таскаете этот хлам, – развеселился Любимка. – Ярик, ты чего талы выкатил?

Приютский отрок хлопнул соперника по плечу. Лицо того побледнело, тело напряглось. Но выглядит решительно, словно собрался на смертный бой. Глядя на него и Любимка насто-рожился.

– Дед Костяй, который меня готовил быть тягателем, сказывал про такое. Только называются они как-то по-другому. Не глиняшками...

– Оу, – обрадовался Стоян и поглядел на глиняную фигурку. – Ты популярен.

Он аккуратно поставил фигурку на стол, рядом с печатью. Раздался уже знакомый Любимке хлопок, волосы наставника приподнялись и тут же опали.

– Охраняй, Глиняшка.

Стоян вышел из гридницы. Скрипнула, притворяясь, дверь. Оба отрока не сводили глаз с земляной фигурки. Она хрустнула и едва заметно двинулась.

Сказ 3 – Глиняшка против тягателей

– А-а! – завопил Любимка и спрятался за Ярополка. – Оно движается!

Глиняшка и правда шевелился. Фигурка расправила плечики, взмахнула крохотными лапками. С тихим поскрипыванием в глазницах крутились ягодки смородины.

– Вспомнил! – хлопнул себя по лбу Ярополк. – Техника создания любимцев, вот что это!

И замолчал, будто все объяснил. Любимка не мог долго сидеть в укрытии, любопытство сильнее.

– Каких любимцев? – спросил. – Домашних?

– Дурень! Разведывательных. Или посыльных. Иногда боевых, но для этого требуется слишком большое мастерство. Батя сказывал, что нынче это умение забыто...

– Кха-кха-кха!

Любимец оскалил маленькие клычки из прутиков и воинственно запрыгал на краю стола. Любимка отпрянул, скорее от неожиданности, чем от страха.

– Ешки-матрешки! Стоял колдовать умеет?! Интересно, батенька Варфоломей знает?

– Это не колдовство, – Ярополку явно по душе было строить из себя умника. – Техника любимцев позволяет передавать часть своей земной тяги предметам. Направляя ее токи, можно заставить предмет двигаться. Понимаешь о чем я? Вас, холопов, небось, наукам не учат.

– Если хочешь знать у нас в Чудовом монастыре очень хорошо с науками. Брат Иоанн все на свете знает. И нам рассказывает.

– И что он вам рассказывает? Как найти и убрать мусор? Виды метел и тряпок? Как отчистить котел от жира?!

И опять Любимка пропустил мимо ушей обидные речи, богатырский медальон в кармане переполняет спокойствием и уверенностью.

– Ешки-матрешки! Хватит лясы точить. Надо пойти и забра...

Он поглядел на стол, но ни Глиняши, ни печати там уже не было.

– Кхе-кхе-кхе! – раздалось из-под ближайшего лежака.

Переглянувшись, новоиспеченные тягатели бросились догонять чучелко. Ярополк ухватил постель и с грохотом поставил ее на попа. Глиняша сидел под ней, перекрестив задние лапки и крепко держа в передних печать. Он поглядел на склонившихся ребят круглыми ягодными глазками и спрятал приз за спину.

Любимка протянул руку, чтобы ухватить чучелко, но то ловко подскочило. Топ-топ-топ – шустрые ножки затопали по запястью, локтю, плечу. Шлеп-шлеп, отрок пытался накрыть его ладонью и не успевал.

А Глиняша уже на голове. Оттолкнулся от макушки, у Любимки аж зубы клацнули.

– Кха-кха-кха! – раздалось сверху, чучелко тарашилось на ребят с высоты поднятого лежака. Ярополк с грохотом придвинул сундук и вскочил на него. Любимка ухватился за доски и полез следом. Лежак опасно шатался, рискуя рухнуть и придавить собой щуплого тягателя. Чучелко заверещало и замахало лапками.

Ярополк всю шарил по спинке лежака, Любимка подтянулся и высунулся с другой стороны. Глиняша разбежался и совершил гигантский для такого маленького тельца прыжок. Зацепившись коготком за стропила, второй лапкой он удерживал печать. Сын воеводы прыгнул прямо с сундука, Любимка оттолкнулся от лежака. Тот с грохотом рухнул и разлетелся на части.

Человечек забросил печать на потолочную балку и лез, дрыгая ножками, следом. Ярополк повис на стропилах рядом, Любимка сорвался, но в последний момент ухватил соперника за

штаны. Ребята яростно шипели, как сцепившиеся коты. Трещала материя, скрипела балка. Топ-топ-топ-топ – убежал Глиняша.

Бабах! Оба тягателя рухнули на соседний лежак, только щепки во все стороны брызнули. Любимка тут же вскочил, ища глазами беглеца. Хотел рвануть следом, но за ноги ухватили. Отрок замахал руками и растянулся на полу. Загрохотало так, словно свалился не хрупкий отрок, а огромный шкаф.

Потом преследовали Глиняшу снизу, пуляя в него всем, что подвернется под руку. Чучелко ловко уворачивалось, кхекало, показывало сверху печать и дразнилось нехорошими жестами.

Слишком увлекшись этим делом, любимец пропустил меткий бросок Любимки.

Кха! – чучелко отлетело в одну сторону, печать в другую. Глиняша приземлился в грудку обломков оставшихся от лежака. Печать запрыгала-закружилась по полу.

С кинжальным звоном взгляды Любимки и Ярополка скрестились на заветном призе. Оба рухнули на колени, вытягивая вперед руки, словно язычники перед главным божеством.

Любимка ухватил печать.

– Да! Я сдюжил!

Бац! Оплеуха бросила его на пол. В печать вцепились пальцы Ярополка.

– Отдай мне, холоп!

– Ни за что, маменькин сын!

Они тянули каждый в свою сторону и тут.

Щелк-щелк-щелк! Из обломков лежака поднялась фигура, гораздо более крупная, нежели упавший туда Гляняша. От удивления Любимка едва не выпустил печать. К счастью Ярополк тоже был поражен и не воспользовался моментом.

– Ешки-матрешки!

– Это еще что?!

На глиняное чучелко налипли обломки лежака, и оно превратилось во что-то фантастическое и устрашающее.

Острые куски древесины составляли из себя длинные, похожие на паучьи ноги. В центре висел, вращая ягодными глазками, любимец. Глиняное тельце прикрывали импровизированные доспехи из разломанных досок.

Кха-кха-кха! – угрожающе прощелкал Глиняша и рванул вперед. Любимка хотел отпрыгнуть, но рука по-прежнему держала печать, в которую вцепился Ярополк. Поэтому не смогли увернуться оба.

Бац! Бац! Любимку протянули доской поперек туловища. Он кувыркнулся через всю гридницу и с размаху грохнулся на пол. Некоторое время ничего не ощущал от боли. Потом сквозь звон в ушах услышал:

– Ах так! Сейчас я тебе покажу!..

Раздался громкий хлопок. Любимка поспешно сел. Ярик перешел в режим земной тяги.

Бах! Бах! Бабах!

Ярополк хорош. Каждый удар отламывает от Глиняши большие куски древесной брони. Чучелко скалится, притягивает к себе еще и еще деревяшек.

Постой! А чего это там среди пыли и щепок? "Хе-хе-хе! – Любимка потер ладоши. – Пока они там прыгают, я печать-от и умыкну!"

Он поднялся и стал подкрадываться к лежащему призу.

Бац-бац-бац! Ярополк продолжал теснить Глиняшу. Любимка сомкнул руку на печати и вдруг понял, что больше не слышит грохота. В гриднице повисла звенящая тишина.

Отрок втянул голову в плечи и обернулся. Тягатель и чучелко глядели на него, очень похоже вытаращив глаза.

– Кажется, дождь собирается, – проговорил Любимка и выразительно глянул под потолок. На столь глупый маневр отвлекся только Глиняша – задрал голову и округлил глаза – откуда взяться дождю под крышей?

Ярополк скакнул к Любимке, тот рванул в сторону двери. Совсем было ускользнул, но под ногу попался осколок лежака, сфырк – нога пробуксовала, и соперник его настиг.

Бабах! Они покатались по полу, поднимая тучи пыли и считая ребрами острые выступы и обломки досок.

– Печать у меня! – торжествуя, вскричал Ярополк.

Любимка хотел крикнуть, но слова застряли в горле. За спиной сына воеводы вздыбилось нечто огромное. На сей раз Глиняша собрал новое тело из лежаков и сундука.

– Трепещи, смерд! – воскликнул Ярополк, не видя опасности. – Я победил!

Гигантская фигура с грохотом надвинулась. Сын воеводы только и успел, что развернуться и жалобно пикнуть. На него обрушился сундук, который заменял чудищу пасть. Клац-клац, пасть заглотила парня и захлопнулась.

– Бедный Ярик, – пробормотал Любимка. – Туда тебе и дорога! Не берись, коли не дюж... Он застыл.

– Мечи-калаци! Вот дурило! Позволил сожрать себя вместе с печатью, – отрок отступил, озираясь. На полу черенок от метлы. Ухватил его, подскочил к гигантскому монстру и ткнул в страшную сундучью морду.

– Ей! Отдавай печать! Мы так не договаривались!

Монстр захохотал, затопал. Сундук захлопал, заклацал, намекая, что внутри достаточно места и на второго отрока.

Он навис над бедным пареньком и обрушился на него всем своим весом. Любимка сделал единственное, что мог в тот миг – согнулся в три погибели и скакнул прямо между ног-лежаков чудища. Клацающая пасть преследовала его по пятам.

Любимка вскочил и отбежал подальше, пасть тянулась за ним и застряла. Чудище замерло в весьма неприглядной позе. Увидав положение Глиняши, Любимка вскочил на него и запрыгал, как безумный гусенок.

– Отдавай Ярика! Верни печать!

Сперва прыгал, словно по монолитному камню, потом доски под ногами стали прогибаться, Любимка услышал хруст и странные звуки.

– Ага! Сдаешься!

Бабах! Сундук, в котором сидел Ярополк, разорвало на куски. Любим узрел шелковые портки сына воеводы, его оскаленное лицо с плывущими по воздуху волосами. Кольнула завистливая мысль: "Ярик щеголяет своим умением пробуждать тягу!" Но тут из месива дывашек выкатилась печать, и отрок разом обо всем позабыл.

Кубарем скатился вниз, по пути цапнул печать. Ноги уже вовсю месили грязь и щепки. Сзади пахло физически ощутимой опасностью. Надвинулось что-то огромное и грозное. Коли настигнет – кончится история приютского отрока, не успев толком и начаться.

Наддал так, что едва жилы не полопались. Кожа на спине подрагивала в ожидании удара. Летел, как обезумевший стриж. В голове стучала единственная мысль – не медлить! Ни секунды задержки!

Вперед дверь. Отворяется внутрь. Коли остановлюсь – пропал. Преследователи врежутся со всей дури и размажут по стене. Рядом окно. Стекла нет, но оно слишком узкое. Коли ошибусь хоть на волосок...

Мысли еще не успели погаснуть в голове, а тело уже скакнуло вперед, вытянув руки с зажатой печатью.

Плечо словно плетью ожгло, но удар пришелся вскользь, лишь ободрал кожу. Лицом ощутил свежесть улицы. Сгруппировался, кувырок, не прекращая движения, помчал дальше.

Грабызь! Бах! Ш-ш-ш-ш! Едва не накрыв его, наземь шлепнулась дверь. Вылетела вместе с косяком. Любимку обогнала волна пыли, он наддал еще, выжимая остатки сил. Что-то огромное топало и громыхало следом.

Любимка наискось пересек двор, по скорости почти не уступая Олегу, когда тот нынче утром напал на дядьку Стояна. Наставник стоит, задрал голову к небу, аж борода выше подбородка.

Любимка замер перед ним, протягивая печать. Рядом сипло дышит Ярополк, отстал на какой-нибудь волосок. Сзади – отрок, наконец, позволил себе оглянуться – ковыляет Глиняша, с грохотом теряя деревянные части.

Из гигантского монстра он превратился в паука на длинных ходулях, потом в человечка в деревянных доспехах. За ним тянулся шлейф из щепок и досок.

На подставленную руку Стояна забралось уже глиняное чучелко, каким оно и было в самом начале.

– Что скажешь? Каковы новые тягатели? – серьезно спросил наставник.

– Кха-кхе-кхы-кху! – принялся скрипеть Глиняша, вращая красными глазками. Любимка приосанился, небось, хвалит меня. Вона я как ловко печать увел. Прямо из-под носу!

– Что? – переспросил Стоян. – Говоришь, устал поддаваться? Ну не суди их строго. Они первый день в школе...

Наставник с чучелком одновременно глянули на ребят. Те разом сдулись. Любимке стало жаль Ярополка. Ладно я, печать добыл. А он, не смотря на свою тягу...

– Но к делу, – собрался Стоян. – Испытание завершено. Победитель у нас Любим, а стало быть...

– Стойте! – прервал его голос. От ворот к ним шагал калика Олег. – Результат надо отметить. Любим не может быть тягателем.

Сказ 4 – Любимка и князь

– Как это не могу? – растерялся Любимка.

Калика протянул руку:

– Верни печать наставнику, мы уходим.

Во дворе повисла тишина. Любимке показалось, что он ослышался.

– Что значит вернуть печать? Куда уходим?! – отрок недоуменно крутил головой. – Мечикалачи! Никуда я не пойду.

– Любим, – нахмурился Олег. – Не надо усложнять. Я твой калика, ты обязан подчиняться.

– Я так и знал, – Ярополк не скрывал радости. – Нельзя холопам в богатыри. Ха, значит печать будет моя...

Шлеп! Оплеуха была столь неожиданной, что бедный парень едва устоял на ногах.

– Наставниче, за что?! – он тер больное место.

– Сам не добыл, нечего рта разевать!

Любимке было не до злорадства. Калика шел на него, протягивая руку. Паренек отступил и замотал головой еще быстрее.

– Я не могу ее вернуть. Я заслужил печать!

– Не отдаешь добром – заберу силой, – бухнул Олег.

– А вот это вряд ли, – тихо сказал Стоян, заслоняя Любима. – Не ты дал, не тебе и забирать.

– Стоян, не лезь, – калика нахмурился еще больше и попытался обойти друга. – Не твое это дело...

– Отрок Любим явился в школу богатырей и предъявил медальон, – чеканя каждое слово, произнес первый наставник. – С того момента он сделался моим подопечным, а значит – это мое дело.

Калика тяжело вздохнул.

– Хорошо. Я заберу медальон, и он перестанет быть твоим подопечным. Доволен?

– Не пойдет, – недобро усмехнулся Стоян. – Отрок Любим успел заработать печать тягателя. А я свои знаки отличия просто так не раздаю.

Олег вспыхнул.

– А я, значит, раздаю?!..

– Выходит так, – пожал плечами Стоян. – Я не знаком ни с одним случаем, когда медальон забрали по прошествии нескольких часов после вручения. Нужен очень серьезный проступок, чтобы поднялся вопрос о лишении медальона.

Любимка переводил взгляд с одного богатыря на другого. Надежда сменялась на отчаяние и обратно.

– Ты ничего не знаешь. Не вмешивайся, – калика начинал злиться.

– Не говоришь, значит, серьезной причины нет, – Стоян усмехнулся.

Пух! Волосы калики расплескались в воздухе. Пух! Первый наставник перешел в режим земной тяги мгновением позже.

– Ешки-матрешки! Вы чего творите? – заволновался Любимка.

Ярополк втянул голову в плечи и поспешно отступил к терему тягателей. Стоян потянулся к ножнам, Олег сунул руку в переметную суму. Оба выглядели очень решительно.

Вжух! Сверкнул кинжал. Шурх! Калика выхватил из сумы уже знакомый Любимке камушек.

– Стойте! – закричал отрок и бросился между богатырями.

С грохотом по земле легла трещина, которая только чудом обогнула Любима. Одновременно мимо его уха просвистело что-то стремительное.

Бах! Стена из стального дуба выдержала, но удар был такой мощи, что стоявшего рядом Ярополка выбросило в середину двора. Он распластался, подняв тучу пыли.

– Куда прешь?! – закричал Стоян. – Мы тебя зашибить могли!

Отрок словно не слышал. Он побледнел, но выглядел очень решительно.

– На! – шагнул он к калике и протянул печать. – Лучше я сам отдам, чем из-за меня богатыри русские друг с дружкой биться станут!

Как всегда не вовремя засвербело в носу. Любимка шмыгнул и утерся. Богатыри переглянулись.

– Наш постреленок не прост, – проговорил Олег, потирая затылок.

– А я о чем? – Стоян запустил пятерню в бороду и захрустел волосками. – Ты его куда вести собирался?

– К князю, – вздохнул калика. – Тут дело такое...

Он замялся и махнул рукой.

– Не просто все.

– А вот чего скажу. Поведем его вместе. Как не крути теперь он и мой подопечный тоже. Успел.

– Да уж – успел, – Любимка не мог понять осуждает его калика или одобряет. – Все было бы проще, коли он после бессонной ночи отдыхать побег.

– А печать пока у себя придержи, – сказал отроку первый наставник. – Князю покажешь, чай не игрушка какая – серьезный знак отличия.

– Эй! Как так?! Холопа, да к князю! – Ярополк не мог промолчать.

– А, хорошо, что напомнил, – поглядел на него Стоян. – Пока мы ходим, ты времени зря не теряй. Двор и гридницу приberi, лежаки с сундуками, те, что не сломаны, по местам расставь. И Борю с Долей позови, плотники они наши. Пущай дверь на место повесят и поправят там, что надо, они привыкшие...

Ярополк побледнел, словно ему предложили сброситься с колокольни.

– Наставниче! Убираться?! Мне?!

– А чего ты хотел? – поднял брови Стоян. – Отлынивать от работы позволяет лишь печать. Печать у тебя есть? Нет. Приступай. Вернусь – проверю.

И ухватив ошалелого Любимку, он толкнул его к выходу. За ними потянулся калика. Ярополк в сердцах пнул деревяшку.

Любимка не заметил, как пересекли Соборную площадь, шагал, как во сне. Слишком много на него свалилось удивительных событий. Тут тебе и одержимник, и сбывшаяся мечта. А теперь вот и вовсе идет не куда-нибудь, а ко князю московскому Александру.

Едва миновали ворота в княжеский двор, как игнорировать внешний мир стало невозможно.

– Ага! Попался! Куда вы его?! Велено же – в монастырь!

Прямо на них выскочил высокий тощий тип в черном одеянии с воротником гармошкой. Желтоватая кожа плотно обтягивает узкий череп, вокруг тонких губ кружок жиденькой бледной растительности.

Урядник Фрол, узнал Любимка. И чего ему от меня надобно? Так и тянет свои руки, длинные пальцы скрючены, как когти страшной птицы.

Богатыри переглянулись.

– Да, Фрол. Мы сами хотели тебя просить, – сказал Олег.

– Насилу дотасили его сюда, – подхватил Стоян. – Ужась просто, два богатыря с единым отроком едва управились.

– Да! Вдарил мне – во, гляди, синяк какой!

Калика задрал рубашку. На его груди отпечатался след от страшного удара. Любимка догадывался, что это тот удар одержимника, который проломил стену терема и вмазал калику в сыру землю.

Фрол побледнел еще больше и отскочил от Любимки.

– Э-э, доставляли, так и доставляйте. А я прослежу.

И он с важным видом отступил в сторону. Так и пошли. Впереди шествовал Любимка, за ним на почтительном отдалении калика и наставник. Когда Любимка оглядывался, оба делали круглые глаза и пяtilись. Отрок то и дело слышал шепот: "Не зли его! Кинется – от терема бревнышка целого не останется!" Урядник ковылял следом, так, чтобы между ним и Любимкой всегда оставались богатыри.

Таким образом, миновали Грановитую палату, поднялись по широким ступеням Постельного крыльца и вошли в Среднюю палату. Отрок ни разу здесь не бывал. Как сказал бы Ярополк – простых холопов не допускают в княжьи хоромы. Это была не правда. Холопов здесь хватало. И княжьих, и боярских, и всяких других. Несколько раз встретила стража, но не городская, в которой служил Григорий, а личная княжеская, носившая вороненый темный доспех и скрывавшая лица за темными платами. Они всегда были молчаливы и неприметны, но это до тех пор, пока посетитель не встречался с ними глазами. Взгляды княжьих стражников вынимали душу и вкладывали ее обратно, уже шелковой и послушной.

Средняя палата представляла из себя просторный в три этажа терем. Из больших окон, затянутых прозрачными, как слеза, стеклами открывался великолепный вид на Замоскворечье и Соборную площадь. На полах лежали восточные ковры, стены увешаны дорогим оружием и охотничьими трофеями, которые остались еще после прежнего князя Владимира. Князь Александр велел перенести их в Москву и развесить в том же порядке, в каком они висели в тереме Потеряного града. Все это Любимка знал от брата Иоанна, и теперь увидел воочию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.